

АЛЕКСАНДР
ИВЧЕНКО

СШИБ

СНИМАТЬ ШТАНЫ И БЕГАТЬ

18+

Александр Александрович Ивченко

Снимать штаны и бегать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55016159

SelfPub; 2020

Аннотация

История о двух столичных PR-щиках, перевернувших выборы в провинциальном городе Славинске. Из гротескно-уморительных представителей местного бомонда: краеведа-рационализатора, мецената-уголовника, кандидата-тюфяка и других – они создают крепкую политическую машину, перемалывающую всех других претендентов на кресло мэра. Черный пиар, лжепатриотизм и полуправда – у настоящих «акул пера» все идет в ход. Но можно ли на этом ходу не потерять себя?

Содержание

Глава 1. Нет ничего проще, чем усложнить себе жизнь	4
Глава 2. В Промышленном Тупике	48
Глава 3. Ночные видения Раздайбедина	64
Глава 4. Чапай – соло на трубе	92
Глава 5. Когда сволочь считается настоящей?	103
Глава 6. Слава Ежам!	115
Глава 7. Оппозиция меняет позиции	142
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Глава 1. Нет ничего проще, чем усложнить себе жизнь

– Внимание! Внимание!!

Граждане!

Воздушная тревога! Воздушная тревога!!

Репродуктор на здании Славинской городской Думы помолчал, откашлялся и повторил более уверенно и грозно, явно входя во вкус:

– Внимание граждане! Воздушная тревога!

Воробьиная эскадрилья, расквартированная на карнизе вблизи репродуктора, восприняла тревожное сообщение, как прямое руководство к действию. Выходя на цель в одиночку, попарно и звеньями, воробьи немедленно провели краткую, но ожесточенную бомбардировку служебных автомобилей, припаркованных внизу.

– Рабочие прекращают работу в соответствии с установленной инструкцией и указаниями администрации, исключая возникновение аварий! – уверенно и сурово продолжал голос из динамиков, развешенных по всем столбам улицы Ленина.

– Останавливается транспорт. Все население укрывается в защитных сооружениях!

Транспорт действительно остановился. Правда, причина

остановки находилась не в воздухе, а на земле: троллейбус № 14 предпринял безуспешную попытку объехать коммунальную траншею, разрытую аккурат напротив здания городской Думы. Поскрипывая от натуги и старости, троллейбус выехал на встречную полосу, утратил контакт с электрической сетью, перегородил движение в обе стороны и замер, беспомощно растопырив обесточенные рога.

– При уведомлении данным сигналом, населению необходимо соблюдать спокойствие. Соблюдение правил поведения по этому сигналу значительно сокращают потери людей. – Вещал загробный голос.

Поскольку каждый разумный человек в подобных ситуациях стремится сократить людские потери как минимум за счет сохранения собственной жизни, паника на улицах Славина случилась в строго предусмотренные нормативами ГО и ЧС сроки. Муниципальные служащие, покинув свои рабочие места, оперативно смешались с представителями малого бизнеса. Учащиеся и трудящиеся, военные и штатские, кормящие мамы и пенсионеры – словом, все без исключения горожане, находившиеся в зоне досягаемости репродукторов, восприняли призыв к спокойствию должным образом, то есть, диаметрально противоположно.

Представители старшего поколения, как люди более опытные, искали спасения от неожиданной вражеской агрессии в подземных переходах. Более молодые и спортивные граждане трусцой устремились к городским окраинам – подаль-

ше от эпицентра предполагаемого взрыва. Улицы быстро пустели. Через некоторое время у здания Думы осталась лишь Снежанна Кокотек – эффектная блондинка и исполнительная сотрудница думского аппарата. Полностью потерявшись в обстановке, она, дробно цокая каблуками и рискуя выронить из декольте спелую грудь, металась от тротуара к тротуару. В конце концов, не найдя подходящего укрытия, Снежанна Макаровна остановилась посреди центральной площади Славина, прикрыла голову своей блестящей сумочкой с целью самозащиты от потенциальной угрозы и, не откладывая дела в долгий ящик, заревела в голос.

Репродуктор немного помолчал, словно оценивая масштабы устроенного переполоха, и промолвил несколько неожиданно:

– Отпечатано в типографии города Славина тиражом триста тысяч экземпляров...

Конец же сообщения прозвучал уж вовсе загадочно и зловеще:

– Подтверждаю золотушку!

Еще шестьдесят с лишним лет назад воздушной тревогой в Славине сложно было кого-нибудь удивить. В 41-м город бомбили немецкие «лаптежники»-«Юнкерсы», во время оккупации – остроносые Ил-4, а в дни боев за освобождение Славина – и те и другие. Никто в Славине на протяжении всей его истории не удивился бы и золотухе. Но отстроенный после войны мегаполис, переживший смену нескольких

эпох и политических формаций, в XXI веке выказал перед угрозой воздушной атаки и золотушной эпидемии полную беспомощность.

Этот факт так и хочется объяснить провинциальным застоем. Однако называть Славин провинцией было бы неправильно. Население этого областного центра, расположенного в какой-нибудь полутысяче километров от Столицы, «неуклонно приближалось к миллиону». Правда, при очередной переписи населения всегда выяснялось, что разрыв между реальным числом проживающих и заветной цифрой с каждым годом все больше и больше. Славинцы, измученные затяжным переходом к капитализму, охотнее умирали, чем рождались. Но сама мысль о том, что их без какой-то мелочи миллион, в известной степени льстила горожанам. «Неуклонное приближение к миллиону» вошло в привычку и со временем стало расцениваться не как состоявшийся факт, а как процесс, который может остановиться или даже пойти в обратном направлении. Вот поэтому, население города Славина, понемногу старея и вымирая, тем не менее, на протяжении последних десятилетий неуклонно приближалось к миллиону.

Вообще, помимо мелких неприятностей, у города Славина было три больших беды. Первая заключалась том, что славинцы втихомолку не любили свой город. Нет, патристическое воспитание, как и положено, здесь было поставлено на самый высокий уровень. На специализированных уроках

юные горожане учились гордиться подвигами своих предков, чтить славные страницы истории – словом, любить свой город в настоящем, прошлом и будущем. И они любили его на официальных мероприятиях, на страницах газет и в сюжетах новостей местных телеканалов. Любили даже в разговорах друг с другом. Но в душе – почему-то тихо ненавидели. Эту ненависть мог угадать разве что наблюдательный приезжий. Угадать по извинительным ноткам, которые против воли сквозили в голосе любого славинца, который рассказывал о своем городе.

Каждый турист, знакомясь с городом, вправе рассчитывать на некий благородный обман со стороны местного населения – он невольно хочет увидеть лицевую, а не обратную сторону медали. Турист любит рассказы аборигенов о том, что именно здесь, на этом пяточке земли, который он удостоил своим присутствием, сконцентрировано все «самое-самое». Самые зеленые деревья и самые вежливые кондукторы, самый чистый воздух и, наконец, самые красивые девушки.

В Славине же с первых шагов приезжему начинали твердить о плохих дорогах, ужасной экологии, высоких ценах, бездарных чиновниках и скверных нравах. При этом коренной славинец, клеймя пороки родного города, каждой фразой как бы извинялся: «Нет, вы не подумайте, уж я-то – не с ними. Я – другой!» К радости или печали, туристов в Славине было немного. Он стоял в стороне от караванных тор-

говых путей и натоптанных туристических троп.

Вторая беда закономерно вытекала из первой, и заключалась в оттоке талантливого населения. Вообще, светлых голов в Славине рождалось ни больше и ни меньше, чем в любом другом уголке России. Но любое дарование из местных рано или поздно начинало чувствовать, что границы родного города – слишком тесная рамка. Достойным же обрамлением таланту было принято считать Садовое кольцо или хотя бы МКАД. Славинцев, которым действительно удалось покорить столицу, за всю 450-летнюю историю города можно было бы сосчитать по пальцам. Но этот факт ничуть не останавливал беглецов.

Но если люди старались сбежать из города, то птицы, наоборот, отдавали ему предпочтение. Правда, не все, а исключительно галки. Даже не очень дотошный орнитолог легко обнаружил бы здесь все известные современной науке виды, а дотошный, быть может, открыл бы и парочку новых. Что привлекало галок – мягкий климат, географическое положение, обилие свалок и мусорных куч, или что-то другое – сказать сложно. Зато доподлинно известно, что в любое время года в небе над Славиним несли воздушный патруль тысячи и тысячи серых птиц. С непривычки их трескучие голоса здорово отравляли жизнь. Да и привычному уху музыкой они не казались. В этом и заключалась третья беда Славина.

Чем именно Славин заслужил такое к себе отношение со стороны людей и птиц – не ясно. Здесь все было, как вез-

де. На городских улицах из года в год шли ожесточенные боевые действия между дорожниками и коммунальщиками. Одни упорно покрывали дороги слоем того, что потом Славинские газеты, забывшись, называли асфальтом. Другие с яростным упорством разбивали это покрытие при помощи отбойных молотков и тяжелой техники. Разрытые траншеи, подобно бомбовым воронкам, красноречиво свидетельствовали о непримиримости этой борьбы, которая развязалась так давно, что уж никто и не упомнит.

Славинские чиновники потихоньку приворовывали, а кондуктора грубили. Детство резвилось, юношество мечтало, трудоспособное население вкалывало в меру сил и способностей, а старость сетовала на слабое здоровье и тосковала по ушедшим временам. Город жил, каждый год удивляясь зиме и необходимости начинать отопительный сезон. Он подкармливал бродячих собак руками бродячих старушек и отстреливал их при содействии специализированной коммунальной службы. Собак, конечно – не старушек... Со старушками разбирались службы социальные.

В общем, за исключением описанных бед, областной центр Славин мало чем отличался от других городов. А, впрочем, каждый ли человек сможет объяснить, чем отличаются, к примеру, Суздаль от Сызрани а Уфа – от Ухты? И такими ли уж Славинскими были эти беды?..

* * *

«Сотрудники Славинского обл. УВД проводят проверку обстоятельств инцидента, в результате которого в пятницу сработал сигнал оповещения горожан о воздушной тревоге, сообщил источник в УВД.

«Накануне около 13.10 местного времени по городскому радио был передан сигнал оповещения о воздушной тревоге. Кроме того, последовало сообщение об опасности заражения золотухой», – сказал собеседник. Золотуха или скрофулёз (Scrophulosis) – чрезвычайно распространенное заболевание, проявляющееся крайне разнообразно, причем болезненный процесс обнаруживается почти во всех органах и тканях человеческого тела, особенно на коже и слизистых оболочках.

По словам источника, часть населения восприняла этот сигнал всерьез.

«По телефонам оперативных служб поступило множество звонков от горожан, которые интересовались, насколько это серьезно и что им делать в этой ситуации», – сказал собеседник.

Прибыв к месту происшествия, оперативники успокоили горожан. «В настоящий момент проводится проверка фактов», – пояснил сотрудник УВД. В результате инцидента пострадал один человек

– гражданка С.М. Кокотек госпитализирована с нервным срывом».

Кирилл Голомёдов прочитал это сообщение информационного агентства вслух, не спеша и даже с вызовом. Внутренне он был готов не только к защите, но и к нападению. Повисла короткая пауза.

– Ну?! – рявкнул председатель Славинской городской Думы Харитон Ильич Зозуля, встопорщив седые усы. – Какая, ядрен-батон, воздушная тревога? Какая, ядрен-батон, золотуха? А?! Отвечать! Быстро!

К слову сказать, кричать Харитон Ильич не очень умел. Человек он был по-своему амбициозный. Но так уж сложилась его трудовая биография и политическая карьера, что он всегда был чьей-то «правой рукой». Верным помощником, надежным соратником, но отнюдь не «первой скрипкой». Рядом всегда находился кто-то выше по должности. Орать в присутствии руководства Харитон Зозуля стеснялся. Только поддакивал. Но шутница-фортуна и ему подарила шанс развить в себе командный голос, усадив в кресло председателя городского парламента.

Человек, далекий от политики, решит, что мечта Харитона Ильича стать полноценным руководителем исполнилась. Ведь формально он возглавил не что-нибудь, а законодательную ветвь власти в почти миллионном городе. Но это было не так.

По определению известно, что слово «демократия» озна-

чает «власть народа». А слово «Депутат» можно перевести с латыни как «посланец», посредник между народом и властью, представитель интересов своих избирателей. И, если разобраться, то народ поручает депутату лишь две задачи: составление умных законов, и присмотр за исполнительной властью – чиновниками, которые будут эти законы исполнять.

Чего греха таить? Без присмотра исполнительность этой власти иногда доходит до злоупотреблений. Как раз в таких случаях депутат должен хватать нерадивого чиновника за руку и журить народным голосом.

Но народный голос, проистекавший из уст Харитона Ильича, был тихим и согласительным. Он ничуть не мешал исполнительной власти исполнять законы так, как ей хотелось. А потому нужно с грустью констатировать, что на посту спикера городской Думы Зозуля оказался как раз из-за главного своего качества – робости и умения поддакивать. «Первую скрипку» играл кто-то другой, а Зозуля и вверенный ему парламент – подыгрывали.

Впрочем, в ситуации с воздушной тревогой даже у него прорезался гневный командный фальцет.

– Какая, ядерен-батон, воздушная тревога? Какая, ядерен-батон, золотуха? А?! Отвечать! Быстро!

– Не золотуха, Харитон Ильич, – сказал Голомёдов и посмотрел на Зозулю глазами праведника. Эти голубые глаза обладали профессиональным свойством принимать любое

выражение, соответствующее моменту. – Не золотуха, а золотушка. Зэ-лэ-туш-ка. Понимаете?

Харитон Ильич что-либо понимать был не склонен, поскольку почувствовал в себе не только желание, но и реальные силы для того, чтобы наконец-таки качественно наорать хоть на кого-нибудь. Но Кирилл, умело перехватив инициативу, уже выводил на листе бумаги крупными буквами: «З.Л. Тушко».

– Вот, пожалуйста. Прочтите!

– Да за каким чертом мне читать ерунду?! Вы мне город на уши поставили! – попробовал, было, вновь начать командную истерику думский председатель Зозуля, но Голомедов снова его переиграл:

– Совершенно верно вы говорите, Харитон Ильич! Город поставили на уши. И если кто-либо узнает, что виноват в этом переполохе наш предвыборный штаб, это будет полный провал всей нашей кампании. А вот зачем был сделан этот вражеский выпад, давайте поинтересуемся у нашей уважаемой Зинаиды Леонидовны!

Зинаида Леонидовна Тушко, на редкость пышнотелая леди, которая так же была удостоена чести выслушать командный разнос, меньше всего ожидала такого пассажа. В гневе она так энергично встряхнула головой, что внимательный наблюдатель успел бы разглядеть на ее шее объемные шарики коралловых бус, которые в спокойном состоянии были скрыты от любопытных взоров ее третьим подбородком.

– Молодой, та-скать, человек! – надменно пробасила она. – Я бы попросила...

Судя по выражению поросячьих глазок гражданки Тушкó, она хотела попросить у Голомёдова, чтобы он немедленно устроил акт самосожжения или прибег к любому другому доступному виду суицида. Ну, или на худой конец отбыл бы обратно в Москву, откуда он притащился на горе всему предвыборному штабу и лично ей. Но конкретизировать просьбу она не успела, поскольку Кирилл уже метнул на стол лист бумаги с набранным текстом. В этом тексте, гордо озаглавленном: «Пресс-релиз», Зинаида Леонидовна с некоторой тревогой узнала свой вчерашний опус. Содержание документа, на взгляд гражданки Тушкó, четко и лаконично описывало заслуги Харитона Ильича Зозули в процветании Славина.

– Шо ты мне тут суешь?! – думский председатель Зозуля попытался употребить заряд гнева по назначению в третий раз.

– Это, Харитон Ильич, текст о вашей работе, который написала для эфира на городском радио наша уважаемая Зионидида Ленаидовна.

– Зи-на-и-да! – гневно поправила гражданка Тушко, но в ее голосе уже не было прежней уверенности.

– Вот я и говорю... Ею же текст был утвержден в эфир, и зачитан диктором Агафоновым вчера непосредственно перед объявлением воздушной тревоги.

– И что? – нахмурился Харитон Ильич.

– Да! И что? – с вызовом бросила гражданка Тушко и подалась вперед. Канцелярский стол затрещал под напором ее гигантского накрахмаленного бюстгальтера.

– Прочтите. – спокойно пояснил Голомёдов.

– Ну... для улучшения экономической и социальной ситуации лично Харитоном Ильичом Зозулей организован ряд эффективных мероприятий, направленных на улучшение экономической и социальной ситуации», – забубнил кандидат, испытывая скрытое удовлетворение, которое всегда приятно грело его душу при чтении публикаций о собственных успехах.

– Что тут тебя не устраивает? Дальше по тексту. Вот – расширено, углубленно, проведено обследование на предмет необходимости выявления проблемных аспектов... – Что тут не так?

– Вы подпись прочтите! – смиренно попросил Голомёдов.

– А где подпись? – спросил Харитон Ильич и недоуменно посмотрел сначала на лист, потом на Голомёдова, потом – на Зинаиду Леонидовну Тушко.

– Подпись, та-скать... С обратной... С обратной стороны. – Промямлила гражданка Тушко. Соображала Зинаида Леонидовна медленно, но предчувствие близкой беды, пока еще не оформленное в слова и мысли, уже зашевелилось под ее сложной прической.

– Я, та-скать, листок перевернула. Наверное, нечаянно! Не с той стороны подписала...

Харитон Ильич перевернул лист и молча уставился на его оборот. Молчал он около двух минут, осмысливая увиденное. Лоб Зинаиды Леонидовны, ее помидорные щеки и все три подбородка покрылись испариной.

– Внимание. Внимание. Граждане. Воздушная тревога. Рабочие, значит, «прекращают». Транспорт «останавливается». А «население укрывается». При этом «соблюдение правил сокращает потери людей». – выборочно процитировал Харитон Ильич текст на обороте. В голосе его звучали зловещие нотки. – Тираж 300 тысяч экземпляров. В эфир. Подтверждаю, Зэ. Лэ. тушко. Золотушка. Понятненько...

– Не тушко, ..., а Тушкó, – по инерции проямлила Зинаида Леонидовна, отчетливо почувствовав, что день не задался.

– Тушка-кукушка, кулак тебе в ушко! – заорал, наконец, Харитон Ильич в полную силу своих председательских легких, давая волю праведному гневу. Голомёдов на этот раз почтительно молчал, не прерывая оратора.

– Ты что, под монастырь меня подвести хочешь? На кого работаешь? Кто тебе твои тридцать серебряников дал, Иуда Леонидовна?!

– Понимаете Харитон Ильич! Я в целях экономии, та-скать, бюджетных средств! Это памятки МЧС-ные! Я их... Ну, в общем, достала... Много. И, та-скать, бумажечку экономим, бюджет, та-скать. На этих листиках печатаем... – пыталась оправдаться гражданка Тушко, впрочем, как-то

неубедительно.

– У тебя, ядрен-батон, бумаги мало? – орал председатель – Где нормальная бумага?! Что молчишь? Сказать нечего?

Вопрос поставил Зинаиду Леонидовну в тупик. Все 60 па-чек мелованной бумаги «Снежинка» формата А-4, выдан-ной информационно-аналитическому отделу городской Ду-мы за три квартала текущего года, она благополучно пере-правила к себе домой с единственной мотивировкой: «Что-бы было!» Объяснить свой поступок ничем, кроме патоло-гической жадности и врожденной запасливости, она не мог-ла. Признаваться в этих пороках даже самой себе Зинаида Леонидовна вряд ли стала бы. Каяться же в них перед Хари-тоном Ильичом в данной ситуации она посчитала и вовсе не уместным.

Вину гражданки Тушко мог бы смягчить тот факт, что свой отдел она без бумаги не оставила. Еще на прежнем ме-сте работы – в пресс-службе городского МЧС – Зинаида Лео-нидовна «на всякий случай» присвоила несколько центне-ров различных листовок с предупреждениями о чрезвычай-ных ситуациях, инструкциями на случай ядерного взрыва, пособиями по эвакуации раненых и памятками о поражаю-щих свойствах ядовитых веществ. Используя в работе чи-стую оборотную сторону этих прокламаций, гражданка Туш-ко решала двойную задачу: она не только удовлетворяла те-кущие нужды отдела в бумаге, но и повышала грамотность своих подчиненных в вопросах «обеспечения безопасности

жизнедеятельности».

Впрочем, 12 листов казенной бумаги «Снежинка» она употребила для нужд своего ведомства практически по прямому назначению. В канун Нового года гражданка Тушко самолично вырезала из них 12 больших кружевных снежинок и трехметровую гирлянду. Этими атрибутами праздника она украсила приемную Председателя, за что получила устную благодарность и квартальную премию. Но даже эта милая новогодняя история служила слабым оправданием воздушной тревоге, и потому гражданка Тушко, проявив непривычную рассудительность, напоминать о ней Председателю тоже не захотела. Как следствие – ответить на вопрос Харитона Ильича ей было действительно нечего.

* * *

На этом месте нашего повествования нужно пролить свет еще на некоторые страницы истории города Славина. Политическая элита начала формировалась здесь в тот день, когда высочайшим указом на должность первого воеводы Славинской крепости был назначен казачий атаман Гордей Дрынов, особо отличившийся перед царем в разбойных набегах на турок. Являясь, по сути, первым градоначальником Славина, Дрынов довольно быстро набрал себе подручных: штат первой «администрации» комплектовался из местных купцов, кто побогаче, и «лихих людей», которым воевода обе-

щал милость и отпущение грехов за верную службу. Уже через несколько поколений в результате некоторой селекции и стремления знатных семей породниться, в Славине произрос тот особый тип руководителя, который можно наблюдать здесь и по сей день. Главными его свойствами является жажда власти и умение ее добиться, пустив в ход купеческую щедрость, а если понадобится – и разбойничью лихость.

С той поры начальство в какой бы то ни было форме в Славине не избиралось и не назначалось. Бразды правления передавались из рук в руки потомкам Дрыновской шайки по праву рождения. Ситуацию не сломала ни революция, ни коллективизация, ни НЭП, ни даже фашистская оккупация, и уж тем более – перестройка. Тесно сплоченная номенклатура составляла своего рода касту, пропуск в которую извне был закрыт. А потому процедура демократических выборов в Славине проходила безболезненно и почти по-семейному. Случались, конечно, ссоры. Но ссоры, как известно, бывают и в самых дружных семьях. По большому счету, выборы сводились к тому, чтобы соответствующим образом перераспределить портфели, кресла и ключевые посты – в зависимости от возраста, заслуг, а иногда даже и личных качеств каждого из членов номенклатурной семьи. Славинцы, впитав такое положение дел с молоком матерей, голосовали за тех, кого им предлагали, даже не задумываясь, что может быть как-то иначе.

Аксакалы клана, воспитанные в суровых традициях ЦК

КПСС, занимали все больше должности почетные. Например, эксплуатировали дорожный или коммунальный сектора, отдавая подряды на выполнение общегородских работ своим фирмам, или фирмам своих ближайших родственников. Большой политикой занимались «среднячки», возросшие в Райкоме Комсомола. Подрастающая молодежь резвилась и набиралась опыта, курируя малый бизнес, молодежную политику, физкультуру и спорт. Иногда представители той или иной группы входили в противоречие, не поделив какой-нибудь лакомый кусок бюджета, и даже шутливо бодались на страницах прессы. Но это только создавало у обывателей впечатление активной политической борьбы и поисков оптимального курса развития города.

Так и жила номенклатура Славина дружной семьей, коллективно преодолевая невзгоды и успешно узурпируя власть. Но примерно за год до описываемых событий случилось страшное. Политическая идиллия, царившая веками, была разрушена самым неожиданным образом. Впервые столица не забрала у города Славина ценный кадр, а отдала ему свой. Из Москвы особым указом был назначен новый губернатор. Старый губернатор подал в отставку, и на всех обиделся. Обиделся настолько сильно, что переселился в свой трехэтажный домик в Швейцарских Альпах. Говорят даже, что у трапа «Сессны», выполнявшей чартерный рейс, губернатор бросил последний взгляд на родной Славин и с неподдельной горечью воскликнул: «Прощай, немытая Россия!» Надо

же было так огорчить человека...

Новый московский руководитель, не смотря на высокий пост, тоже был обижен и ощущал себя в Славине в ссылке. К местной полит-элитке он отнесся свысока. Близких связей не заводил, на приемы в свою честь, устраиваемые аксакалами Славинской номенклатуры, являлся с опозданием или не приезжал вовсе. Хуже всего было то, что новый губернатор неожиданно начал кадровые перестановки. Пока только менял местами заслуженных потомков воеводы Дрынова, словно забавляясь игрой в солдатики. Кадровые перемены не влекли за собой ни особого вреда, ни особой пользы. Ведь давно известно, что если человек научился руководить, то руководить он сможет чем угодно и в каких угодно обстоятельствах. Но, согласитесь, такая политика напрочь убивает уверенность в завтрашнем дне и повергает в состояние хронического стресса.

Каждый в отдельности член номенклатурной семьи, и все они вместе, понимали, что губернатор готовит решительный переворот, собираясь привести к власти своих людей. И начинать он будет с поста городского Головы. Глупо ведь управлять областью и не контролировать областной центр. Местная политическая элита оживленно закопошилась в ожидании досрочных выборов мэра. Их с подачи нового губернатора назначили на ближайшую осень.

Действующий мэр, понимая, что работать ему осталось недолго, с головой ушел в получение «откатов», продажу му-

ниципальной собственности и банкротство городских предприятий Он выкачивал из Славина все соки по максимуму с целью обеспечить себе безбедную старость в Швейцарских Альпах (благо, соседи там подбирались хорошие).

А среди когда-то дружной номенклатурной семейки случился разлад. Если раньше кандидатуру градоначальника обсуждали коллегиально и утверждали без больших, в общем-то, споров, то теперь, в дни крушения авторитетов, каждый возомнил себя претендентом на престол. Конечно, каждый кандидат понимал, что новый губернатор приведет на пост мэра кого-то «своего». Но будет ли этим «своим» человек со стороны, или «своего» губернатор назначит из местных – оставалось загадкой. Поэтому потомки воеводы Дрынова прилагали массу усилий, чтобы доказать лояльность московскому реформатору и пробиться в число «его» людей.

Вот в такой непростой ситуации и вызрело смелое желание Харитона Ильича Зозули баллотироваться в мэры. Еще год назад он даже не посмел бы заикнуться о своих мечтах в присутствии номенклатурных аксакалов Славина. Но теперь в обстановке всеобщей нервозности он прикинул, что его шансы на победу ничуть не хуже, чем у других. В один прекрасный день Харитон Ильич спросил себя: «А почему не я?». Как водится, он поначалу испугался этой мысли. Но понемногу к ней привык и иногда в мечтах даже произносил короткую благодарственную речь избирателям, доверившим ему высокий пост городского Головы.

Оставалась одна проблема: победить на выборах. Обстановка требовала нетривиального решения, и Харитон Ильич его нашел. Идея заключалась в том, чтоб провести в Славине первую настоящую предвыборную кампанию. С наглядной агитацией, черным пиаром и неподдельной борьбой за голос каждого избирателя. Подковерные баталии за милость нового губернатора казались делом ненадежным. А пышная кампания, имея в глазах славинцев эффект новизны, могла принести Зозуле успех.

Рассудив таким образом, Харитон Ильич расспросил нужных людей и «выписал» из столицы двух политконсультантов: Кирилла Голомёдова, широко известного в пиар-кругах «дикаря», и Василия Раздайбедина, про которого никто наверняка не знал – кличка это или настоящая фамилия.

Свои услуги заезжие специалисты оценили в баснословную по Славинским меркам сумму, которая поначалу привела Харитона Ильича в трепет. Нет, деньги у него были. Согласитесь, глупо сидеть у такого костра, как городской бюджет, и не погреться. Но Харитона поражала, а порою просто пугала, дерзкая «нездешняя» манера говорить, оценивать шансы конкурентов в очень натуралистичных терминах, легко оперировать космическими суммами, вызывающе одеваться и вообще держать себя так, будто весь Славин только и ждет, чтоб сплясать под заказанную дудку. Его вводили в мистический транс слова «директмэйл», «фокус-группа», «драйв-тайм», которыми так и сыпали столичные професси-

оналы (стоит отметить, что, к примеру, за красивым словом «директмэйл» скрывается обыкновенная почтовая рассылка агитационных материалов, но без него профессионалу никак не обойтись – оно просто незаменимо при гипнозе потенциальных заказчиков).

Именно такая уверенная и даже дерзкая подача материала почему-то внушила Харитону Зозуле приятное чувство, будто выиграть выборы будет делом крайне простым.

У Зинаиды Леонидовны Тушкó было свое мнение. Узнав, что ее шеф и эти московские выскочки ударили по рукам, она пришла в ярость. Ту же самую работу она была готова проделать за сумму впятеро меньшую и, как она считала, с гораздо бóльшим качеством. Ее бас гудел за дверями приемной Харитона Ильича больше часа. О чем они говорили, осталось секретом, но Зинаида Леонидовна вышла от шефа с желанным назначением на должность руководителя предвыборного штаба. Статус Голомедова и Раздайбедина был определен словом «политконсультанты», а их полномочия ограничены должностями заместителей гражданки Тушкó. Последняя таким положением дел осталась довольна и со злорадным высокомерием посматривала на своих новых «замов» ровно сутки. В течение этих суток в Славине и случилась воздушная тревога.

– Что это, а?! Это куда это? Как?! – выкрикивал Харитон Ильич, тряся «Пресс-релизом» перед носом гражданки Тушкó.

– Я не нарочно! – мямлила Зинаида Леонидовна, втискивая пухлые ручки в складку между животом и левой грудью. В зависимости от обстоятельств, этот жест обычно обозначал у нее либо полную искренность, либо сердечный приступ. Что именно симулировать в данной ситуации Зинаида Леонидовна еще не решила.

– Заявление! Мне! На стол! Сегодня! – отрывисто гавкал Харитон Ильич.

– Наказания, назначаемые в припадке гнева, не достигают цели. – произнес вдруг Василий Раздайбедин, обратив на себя всеобщее внимание.

Это был молодой человек лет двадцати пяти. Но из-за густой и давно небритой щетины ему можно было дать и больше. Среднего роста, худощавый, одетый в оранжевые шорты, и желтую футболку. И даже очки у него были с желтыми стеклами. В течение всего экстренного заседания штаба он сидел, откинувшись на спинку офисного кресла, закинув ногу на ногу, свесив руки вдоль тела и запрокинув взлохмаченную голову. Со стороны могло показаться, что происходящее его мало интересует. Скажем больше – могло показаться, что Василий попросту мертвецки пьян или еще чего похуже.

Почесав переносицу, Василий добавил:

– Наказание преступников должно приносить пользу; когда человек повешен, он ни на что не годен.

– Шо это вы такое тут говорите? – на лице Харитона Ильича появилось удивление, в глазах Зинаиды Леонидовны за-

горелись одновременно страх, недоверие и надежда.

– Это не я говорю. Это говорят Кант и Вольтер. А я скажу: от Зиониды Ленаидовны – объяснительную. А руководство штабом – профессионалу. Кирюше. Награждая хороших, мы тем самым наказываем плохих. Это тоже не я. Это Дидро.

Голомёдов пожал плечами. Харитон Ильич недовольно поморщился, немного покапризничал и, в конце концов, буркнул:

– Хорошо!

* * *

Голомёдов и Раздайбедин курили на балконе председательской приемной.

– Ты чего это, Вася? Зачем тебе эта тетя Тушка сдалась? Так удачно ее слили! – приглушенно поинтересовался Кирилл, оглаживаясь через стеклянную дверь. Кириллу уже перевалило за 30, но выглядел он моложе. Довольно высокий, спортивный, одевался неброско. По его лицу, мимике, жестам, одежде было довольно сложно судить о роде его занятий. Он с успехом мог казаться и младшим научным сотрудником, и коммивояжером, и рекламным лицом новой линии мужского парфюма. Казалось, он нарочно работал над тем, чтобы при своих внешних данных оставаться как можно менее заметным и запоминающимся.

Василий расслабленно приподнял бровь и лениво пояс-

нил:

– С ней будет веселее.

Голомёдов посмотрел на коллегу с удивлением.

– Хорошо. Развлекайся. Но сам. Чтоб у меня эта тушка под ногами больше не путалась.

– Угmmm... – лениво процедил Василий, выпуская клуб дыма.

– Я, кстати, все спросить забываю. Как ты заставил диктора с городского радио прочитать в эфире всю эту ахинею? – заговорщицки прошептал Голомёдов. Раздайбедин не ответил. Он смотрел на жирную галку под балконом, и плавно крутил головой, будто очень медленно выражал отказ невидимому собеседнику.

– Василий? Василий! – Кирилл тряхнул напарника за плечо, – что ты делаешь?

– М-м-м-м... Если честно, то размахиваю воображаемым хвостом.

– Зачем?

– За головой, – ответил Василий так просто, будто речь шла о самом обыденном времяпрепровождении. – А с диктором Агафоновым все получилось довольно банально. Я просто пронумеровал страницы. С одной стороны – единица. С другой – двойка. Агафонов исполнил свой дикторский долг и добросовестно прочитал обе страницы. Исполнительность – антипод ума.

– Жжешь, Василий! – не то восхитился, не то посетовал Голомёдов, и добавил наставительно:

– Ты это самое... Поосторожнее сознание расширай. Вдумчивее подбирай алкоголь. Нам здесь еще выборы проводить – ты помнишь?

Василий затянулся сигаретой и сделал вид, что последние слова его не касаются.

Вернувшись в приемную Зозули, коллеги продолжили экстренное заседание в более мирном и деловом русле.

– Итак, задача перед нами очень сложная, но одновременно – понятная и простая. Определить, где у электората сильнее всего чешется, и начать это место усиленно чесать. Для этого нам нужно немного сориентироваться в окружающей обстановке. Знакомство начнем, пожалуй, с конкурентов, – заявил Кирилл и вопросительно посмотрел на Харитона Ильича.

– Ну, тут шо я вам сказать могу... Окромя меня – восемь человек. Но тут кто запасные, кто непроходные, у кого пороку на агитацию не хватит. А по делу идут трое, – виновато улыбнулся Зозуля.

– Подробнее? Возраст, пол, привычки, партийная принадлежность?

– Ну, первая, значит, будет Октябрина Александровна Хохловцева. Только она... – Харитон Ильич задумчиво пощелкал пальцами и закончил, – ну, в общем, не конкурент она.

– Почему? – поинтересовался Голомёдов. – Противника опасно недооценивать. Не имеет популярности в массах?

– Ну шо вы! – воскликнул Зозуля, усмехаясь в прокуренные усы. – С массами у нее полный ажур. Человек она достойный. Кремень. Крепкая косточка! Надежный кадр.

Кирилл недоуменно посмотрел на Харитона Ильича.

– Как бы вам объяснить попонятнее, ядрен-батон... Она у нас заслуженный оппозиционер. Уже 13-й год как депутат. Сначала в народном совете, теперь вот у нас.

– Все равно не понял. – Пожал плечами Кирилл.

– Даже оппозиция считается не вредною, если она не вредит, – лениво процедил из своего угла Раздайбедин и снова впал в транс.

– Товарищ верно говорит, – согласился Харитон Ильич, с сомнением поглядывая на желтые очки и небритый кадык Василия. – Она – полезная оппозиция. На заседаниях или там митингах – она, бывает, конечно, расходится. Ругает нас разными нехорошими словами. Но мы не обижаемся, ядрен-батон! Во-первых, женщина, во-вторых – возраст почтенный, в-третьих – старый заслуженный товарищ, член партии с 69-го года. Ну а в-четвертых – с ней всегда можно это самое... Обсудить детали. И сумму.

– А! – догадался Кирилл. – Кандидат-обезьяна! Идейная проститутка? Торговец принципами?

– Ну, зачем вы так! – закачал головой Харитон Ильич. – Октябрина Александровна у нас человек заслуженный, по-

литик авторитетный! Народ ее любит. Уважает, за то, как она нас, грешных, песочит и в хвост и в гриву. Режет правду-матку без страха! Но она сама говорит – возраст. Тяжело уже в мэры.

– А в депутатах не тяжело?

– В депутатах пока не тяжело. А чего тут тяжелого? Говори себе, да говори. Лишь бы людям нравилось. Ты же оппозиция, ядрен-батон! Всегда в меньшинстве. Кто тебя слушает? И спрос с тебя потому небольшой.

– А в мэрах?

– В мэрах сложнее. Тут решения принимать надо. К примеру, зарплату учителям с врачами отдать, или дорогу новую построить. А если ни того, ни другого не сделал – людям объяснять, куда бюджетные деньги делись. Тут память нужна. Энергия. А Октябрина Александровна сама порой жалится. Выйду, говорит, иной раз на трибуну, и не помню, говорит, против чего мне выступать надо...

– А в мэры, значит, баллотируется, чтобы базовый электрот конкурентов на себя оттягивать а потом выборы за деньги сливать? – констатировал Голомёдов.

– Ну, мы тут попроще на жизнь смотрим. Она уже в четвертый раз баллотируется. И каждый раз перед самыми выборами свою кандидатуру сымает. Выходит перед народом, и кается. Вихри, говорит, враждебные веют над нами. И темные силы нас злобно гнетут. Мне, говорит, все равно работать не дадут с моей принципиальностью. А вы, говорит, го-

лосуйте теперича не за меня, а вот за того-то. Он почестнее всех других будет, ядрен-батон! Ну, денег, естественно, возьмет с того, который «почестнее». За рекламу.

– А после выборов? – улыбнулся Кирилл.

– А после выборов говорит – как же я, мол, в вас ошиблась уважаемый! Думала, говорит, хоть вы честный, а вы – как все! И давай свою старую пластинку крутить. Я, говорит, теперь против вас!

– А если никто не заплатит?

– А если никто не заплатит, она все равно пойдет. Из удовольствия. Человек она активный, товарищ проверенный. Ей без политической борьбы – сразу на кладбище. Но только из виду ее упускать нельзя. Приглядывать надо. Если она на кого-нибудь взъелась – пиши «пропало». Такого людям наговорит, что ядрен-батон! Не то чтобы в мэры – в дворники не выберешься!

– С этой более-менее понятно, – сказал Голомедов и начертил в своем блокноте напротив фамилии «Хохловцева» холмик с могильным крестом. – Нужно с заслуженной оппозиционеркой познакомиться. Пусть она на этот раз против кого-нибудь другого будет. Ну а если по-хорошему не договоримся, клакеров запустим.

– Кла... Кого? – кукарекнул Харитон Ильич.

– Ох ты, Господи! – нетерпеливо нахмурился Голомедов, – Специально обученных людей, которые займутся шумовым сопровождением встреч госпожи Хохловцевой с избирате-

лями. Кто там у нас дальше по списку?

Харитон Ильич покрутил головой, мало что поняв из объяснений Кирилла, недовольно откашлялся и ответил:

– Еще Славик Дрисвятов. Вячеслав Егорович. Этот из молодых. Денег у него уж больно много... У него тесть на Железной дороге хозяин. Выбил ему место директора нашего Славинского «Водоканала». Ну и сам он держит заводик пивной, сеть ресторанов, магазины одежные, колбасный цех. Он в случае чего колбасой весь город завалит, ядрен-батон! Народ-то у нас не слишком, знаете... За колбасу – не только голос, мать родную отдадут.

– Засвеченный или нулевой? – по-деловому прищурился Кирилл. Зозуля опять округлил глаза.

– В смысле, пробовал себя на политическом поприще? Народ о нем слышал? Ну и вообще – есть за ним что-нибудь этакое? – Кирилл пощелкал пальцами.

– Ну, как не быть? Человек молодой. Увлекающийся. В ресторанах иногда безобразничает. Охоту любит. В прошлом году вот кенгуру из Австралии привозил. В поле выпустил и давай этих кенгуров с ружьем гонять. Восемь гектаров пшеницы потравили совхозу – и в газетах писали. Но рассчитался за все, как честный человек. Замяли скандал-то.

– Да, этого не подкупишь, – задумчиво произнес Кирилл, рисуя в своем блокноте напротив фамилии Дрисвятова значок доллара, перечеркнутый наискось. – И это гусарство с кенгуру – далеко не однозначный вопрос. Могло в антирей-

тинг пойти, а могло стать поводом для народной любви. Разбери ее, эту загадочную русскую душу... Но не беда. Замочим при случае. Задавим компроматом, пачкушек подкинем. Или сольем по суду: уличим в подкупе избирателей, организуем ему нарушения с агитацией и отменим регистрацию кандидата. Кто же у нас третий?

– С третьим хуже всего! – горестно вздохнул Харитон Ильич. – Третьего мы не знаем. В избиркоме зарегистрирован, как независимый кандидат Павел Степанович Болдырев. Залог, подписи избирателей – все как надо. Но сведений о нем – никаких. Есть подозрение, – тут Харитон Ильич понизил голос и приложил ладошку ко рту, – есть подозрение, что он – человек губернатора!

– Имеется риск нарваться на административный ресурс со стороны областного руководства?

Голомёдов озадаченно посмотрел на Зозулю. Этот «мистер икс» Болдырев» ему решительно не нравился. Он вывел в своем блокноте жирный вопросительный знак, постучал ручкой по столешнице и бодрым голосом заявил:

– Ну, не все так плохо! Мы ведь и сами с усами, а Харитон Ильич?! Мы – городская власть. Померяемся административными ресурсами. Может, наш подлиннее окажется!

Харитон Ильич хихикнул, прикрывая усы ладошкой.

– Теперь поговорим о вас! – Кирилл взглянул на кандидата строго, как на допросе.

– А шо про меня говорить? – оторопел Зозуля.

– Давайте обсудим ваши сильные и слабые стороны. Исходя из этого, будем разрабатывать стратегию, тактику и план-график нашей избирательной кампании, – решительно заявил Голомёдов.

– Ну как вам сказать... Родился и вырос в трудовой рабочей семье, – неуверенно начал Зозуля и зарделся. Его папа был директором Славинского станкостроительного завода.

– Прошел путь от простого рабочего до мастера, а потом – главного инженера.

В этом месте Зозуля покраснел окончательно. Свой производственный путь от рабочего до главного инженера он прошел под руку с папой отнюдь не прогулочным шагом.

– Потом – общественная работа, райком комсомола. Партийная деятельность. Ну, словом... Незапятнанная биография, ядрен-батон!

Кирилл с сомнением покачал головой:

– Рабочие корни – это хорошо. Народ это любит. А вот скажите, любезный, каких наиболее выдающихся успехов вам удалось добиться на вашем нынешнем посту?

– Ну, как же! – Харитон Ильич суетливо зашарил руками по столу, схватил злополучный «пресс-релиз», напечатанный на бланке оповещения о воздушной тревоге, и протянул Кириллу. Голомёдов задумчиво посмотрел на текст.

– Проведено обследование на предмет необходимости выявления проблемных аспектов... Это все?

– Все! – честно выдохнул Зозуля.

– Разрешите говорить откровенно, Харитон Ильич! – сказал Кирилл после непродолжительного размышления. – Судя по тому, что я успел увидеть за два дня в Славине, город находится в полной... депрессии! Заводы стоят. Вода, по крайней мере, у нас в гостинице, подается по графику и пахнет носками. Дороги – как ребра мерина, павшего от голода и старости.

Мы могли бы ремонтировать дороги или прокладывать новые водопроводные трубы. Но это долго, дорого и рискованно. Никогда еще люди не были благодарны чиновнику, который занимается благоустройством. Что бы он ни сделал, они хотят еще больше.

– Кто людям помогает, тот тратит время зря. Хорошими делами прославиться нельзя. – промурлыкал Василий. – Это не я сказал. Это Шапокляк. – И снова отключился.

– Верно! – согласился Кирилл. – Поднять промышленность и повысить урожайность мы тоже не успеем. Здесь нужны система и время. Значит, нам требуется что-то быстрое, яркое, запоминающееся и бьющее точно в цель. Использовать для засветки рабочие корни – тривиально и даже пошло. Этим народ не удивишь. А наша цель – не просто удивление, а подлинная народная любовь. Есть мысли?

Зозуля и гражданка Тушко затравленно молчали.

– Как у нас дела с избирателями? – спросил Кирилл.

– С избирателями? – удивленно поднял брови Харитон Ильич.

– Вас ведь избрали в депутаты! – пояснил Кирилл – Вы отстаиваете интересы какого-то округа, проводите встречи с избирателями, выполняете их поручения. Иногда балуете их какой-нибудь новой детской площадкой во дворе или надувными шариками с вашей фамилией?

– У Харитона Ильича имидж, та-скать, делового человека! – решалась, наконец, подать голос опальная гражданка Тушко.

Кирилл, как человек сообразительный, быстро перевел:

– То есть, Харитон Ильич обычно слишком занят Государственным Делом, чтобы тратить время на такие мелочи, как заигрывание с избирателями, и народ это воспринимает как должное?

Зинаида Леонидовна важно кивнула. «Имидж делового человека» она по праву считала своей находкой и большой заслугой. Над его созданием пришлось изрядно потрудиться. Ничего не делать годами, облакая бездеятельность в форму напряженной работы – весьма изнурительный труд.

– Как у нас с семейными ценностями? – продолжил допрос Голомёдов. – Объявим месячник семьи, создадим образ верного мужа и заботливого отца. Ваши дети на страницах газет с живой непосредственностью охарактеризуют папу, как рачительного хозяина и тонкого психолога. Жена расскажет, как вы своими руками построили дом и вырастили сад. Нарисуем политика без галстука...

Харитон Ильич скис. Его сын учился в Англии. Вернее,

так думал Харитон Ильич. На самом деле, сын вкладывал папины деньги в индустрию развлечений Туманного Альбиона, и вряд ли отвлекся бы от этого увлекательного занятия, чтобы охарактеризовать папочку в славинских СМИ как тонкого психолога и рачительного хозяина. Супругу свою Антонину Ивановну, властную особу с мощными руками и юношескими усиками, Харитон Ильич слегка побаивался. Он вдруг представил себе, как будет выглядеть на обложке журнала его семейное фото: дородная супруга займет не менее семидесяти процентов площади, а он на ее фоне будет выглядеть как пожухлый усатый огурец рядом со спелым наливным баклажаном (тоже, кстати, усатым).

– Может, попробовать что-то еще? – с надеждой попросил Харитон Ильич.

– Хорошо! Пойдем от противного! – Голомёдов поднялся и начал энергично расхаживать по кабинету. – Образ ма-чо. Герой-любовник, который разобьет сердца всех домохозяйек. Можем записать песню в стиле «латино» и снять клип. Плащ цветов Славинского флага, широкополая шляпа. Вы спасаете Неизвестную славинскую красавицу. В ожесточенном бою протыкаете шпагой политических конкурентов, а заодно Коррупцию, Мздоимство и График подачи воды. Эффектный ход.

Харитон Ильич скис еще сильнее. Дело в том, что несколько лет назад – как раз после избрания Зозули на пост председателя городской Думы, с ним случилась одна очень непри-

ятная история, которая здорово подорвала в нем желание изображать матерого самца.

В теории Харитон Ильич был примерным мужем. Не столько из порядочности и веры в святость супружеских уз, сколько от своей природной застенчивости, возрастной лени и боязни своей супруги Антонины Ивановны, обладавшей весьма крутым нравом. А на практике, конечно, бывали командировки, случайные «деловые» связи и курортные романы. Но тяга к приключениям пропала не то с возрастом, не то после обширных побоев, нанесенных Антониной Ивановной в порыве ревности. Сама Антонина Ивановна, и ранее не особо часто баловавшая Харитона Ильича супружескими ласками, после этого обидного инцидента и вовсе перевела мужа «на сухой паек». С годами Харитон Ильич, хорошо помня подбитый глаз и распухшее ухо, научился предпочитать грубым плотским утехам хорошую выпивку.

Седина посеребрила виски и усы Харитона Ильича, и в полном соответствии с фольклорной мудростью, в его ребро уперся рогом хулиганистый бес. Случилось так, что Зозулю позвали в частную баню за городом. И позвал не кто-нибудь, а самые титулованные потомки воеводы Дрынова. Это приглашение означало для Зозули приглашение в высшую лигу избранных и потому очень ему льстило. Чем занимается в банях-саунах номенклатурная элита, Харитон Ильич выучил еще во времена работы в Райкоме комсомола. И, надо признаться, перспектива поучаствовать в таком интересном де-

ле показалась ему заманчивой и приятно защекотала где-то в районе селезенки. Но неожиданно селезенка екнула, потому что перед мысленным взором совсем некстати предстал образ разгневанной Антонины Ивановны. Додумывать до конца эти мысли Харитон Ильич тогда не стал. Решил – как будет, так и будет. И, сочинив для супруги историю о срочном вызове из Москвы, направился в баню.

Описывать роскошь накрытых столов, тонкий смысл острот и содержательность застольной беседы мы не будем, поскольку к конфузу Харитона Ильича имеет отношение лишь количество поднятых им рюмок. Когда изысканный диалог дошел до вполне логичной реплики: «Бабы нужны?», Харитон Ильич подал свой председательский голос «За». Конечно, баламутила душу незваная тревога – Харитон Ильич уже порядком подзабыл, с какой стороны приступить к свальному греху. Но он всерьез надеялся, что молодые тела жриц любви и их умелые ласки натолкнут его на верный путь.

Девушки действительно были ласковыми и улыбочивыми. Они панибратски называли представителей славинской элиты «мальчиками» и звонко смеялись над их шутками – плоскими и закоптелыми, как противни для жарки морковных шницелей в общественной столовой.

Харитону Ильичу досталась довольно молодая и отменно грудастая труженица половой индустрии с выразительным ртом и большими, но почему-то грустными глазами. Она на-

звалась Сюзанной, отвела Харитона Ильича в отдельный кабинет, где увлекла на безразмерную кровать. Поначалу Харитон Ильич, опьяненный запахом ее волос, относительной свежестью тела, новизной обстановки и теплым коньяком, почувствовал забытое возбуждение и даже игриво укусил Сюзанну за ядреную ягодицу. Но, стоило ему опрокинуться на спину и закрыть глаза, как перед мысленным взором вновь возникла суровая супруга Антонина Ивановна. Харитон Ильич потряс головой. Но в результате встряски образ супруги сменился заслуженной оппозиционеркой Хохловцевой, которая яростно клеймила его позором прямо с Думской трибуны. А потом уж и вовсе пошли какие-то ненужные отчеты, речи и протоколы заседаний. Словом, та часть Харитона Ильича, ради удовольствия которой и была вызвана на банкет Сюзанна, выказала полное пренебрежение к ситуации. Тщетно Сюзанна растрчивала свое мастерство.

Харитон Ильич, сославшись на необходимость совершить срочный звонок государственной важности, сбежал в уборную. Там он, скинув простыню, с яростью посмотрел на то, что до недавнего времени привык считать предметом своей мужской гордости. Гордиться на этот момент, увы, было нечем.

Разгоряченный коньяком, Харитон Ильич встал в решительную позу и топнул по кафелю босой пяткой. В голове его, замутненной алкогольными парами, всплыли смутные образы служащих аппарата городской Думы. Все эти люди,

как он успел убедиться, совсем не глупые – с недавних пор (акkurat после назначения его на должность думского председателя) начали оказывать Зозуле небывалые знаки внимания. При встрече с ним лица служащих расцветали счастливыми улыбками. Они начинали делать ему комплименты, которых не делали никогда до его избрания спикером. Хвалили костюм, галстук и стрижку. Хвалили его выступления на думских сессиях. Словно состязаясь, они хвалили даже беспорядок на его рабочем столе, утверждая, что это признак творческой натуры. Но самое главное – они начали безропотно слушаться его приказаний. И не просто слушаться, а угадывать любое его желание, даже если оно не успело полностью оформиться в его голове. Окружающие проявляли столько рвения, подобострастия и исполнительности, спеша воплотить в реальность любой барский каприз Харитона Ильича, что за несколько месяцев руководящей работы он начал чувствовать себя кем-то, вроде супермена. Иногда Харитону Ильичу всерьез казалось, что стоит ему щелкнуть пальцами, как горы сдвинутся с места и начнут водить вокруг него хоровод. Вот и сейчас, в уборной, воскресив в памяти это ощущение власти над людьми и событиями, он был твердо уверен, что его приказ не может быть проигнорирован.

– Встать! – рявкнул он, скосив глаза вниз и нахмутив брови.

– Встать, ядрен-батон!

По этому крику все 300 сотрудников аппарата Думы, включая гражданку Тушко, весившую не менее полутора центнеров, в доли секунды подскочили бы и вытянулись в струнку. Но сейчас, когда речь шла не о крупном коллективе, и даже не об отдельном человеке, а лишь об одной-единственной сравнительно небольшой части тела, где-то в вертикали власти произошел сбой.

– Я... Я сделаю в отношении вас должные оргвыводы! – Голос Харитона Ильича сорвался на фальцет. – Я! Приказываю! Вам! Вста-а-ааать!

Когда крик, отраженный от кафельных стен замолк, Харитон Ильич услышал смех. В двери стояла Сюзанна и заливалась от хохота.

Именно этот смех и зазвенел в ушах Харитона Ильича, когда Голомёдов предложил ему выступить в роли покорителя женских сердец. Харитон Ильич уныло, но решительно замотал головой.

– Нет. Этого не надо.

– Как знаете, – пожал плечами Голомёдов. – Да, кстати, Харитон Ильич! Вы в Бога веруете?

– Да я, как бы вам сказать...

– Придется поверить! Заручиться поддержкой церкви в нашем деле – большой успех. Самый дисциплинированный электорат у нас кто? Правильно, пенсионеры. А пенсионеры ходят куда? Правильно – в церковь. Но еще они ходят на митинги. После того, что про вас на митингах расскажет

заслуженная оппозиционерка Хохловцева, пенсионеров мы можем потерять.

Пожертвуете на Храм, крестный ход какой-нибудь организуем. Пару молебнов отстоите. Батюшка в проповеди про вас упомянет. Глядишь – пойдет рейтинг в гору с Божьей помощью. Я б посоветовал начать с какого-нибудь прихода в вашем избирательном округе. В качестве эксперимента. Найдется подходящий батюшка?

– Отец Геннадий на днях денег просил... – неуверенно пробормотал Харитон Ильич.

– Побеседуйте. Спросите, сколько хочет, и чем воздаст. Если с пониманием святой Отец отнесется – начнем сотрудничество.

– А может, не надо? – с кислым лицом спросил Харитон Ильич.

– Что именно «не надо»? – сухо поинтересовался Кирилл.

– Ну, шума лишнего. Может, вообще как-нибудь все это можно без меня? – в голосе Харитона Ильича зазвучали просительные нотки.

– Харитон Ильич! – сказал Кирилл почти ласково. – Чудеса, конечно бывают. Я, к примеру, слышал про дистанционное обучение, свадьбы по доверенности и секс по телефону. Но существуют вещи, которые никто не в состоянии сделать за вас. К примеру, никто вместо вас не сходит в туалет. Также никто не станет за вас торговать мордой... Простите! Никто не заменит вас на экранах телевизоров, встречах с из-

бирателями и на пресс-конференциях.

– Извините! – раздался вдруг громкий шепот гражданки Тушкó, адресованный Кириллу. – Извините, товарищ! А что он делает?

Гражданка Тушкó одними бровями указала на Василия, который откинулся на спинку стула и медленно раскачивался в такт неслышимой музыке, разинув рот и пребывая в полной прострации.

– Не обращайтесь внимания! – уверенно заявил Кирилл. – Он размахивает воображаемым хвостом. Особая техника медитации. Позволяет достичь максимальной концентрации.

Харитон Ильич посмотрел на Василия с уважением, Зинаида Леонидовна – со скрытым подозрением и опаской. Ну а Голомёдов на этом месте вдруг почувствовал непреодолимое желание обдумать создавшееся положение за бутылкой текилы.

– Что ж! – вскрикнул он. – План первоочередных мероприятий таков. Разработка предвыборной стратегии, тактики и план-график кампании – я и Василий. Заказ еженедельного рейтинга всех кандидатов, выборки, срезы, фокус-группы – на мне. Установка контактов с редакциями местных газет и журналов – тоже на мне. Василий отберет журналистов потолковее. Зинаида Леонидовна! Вы, как человек из местных, подготовьте адресную базу избирателей.

– Какую это базу? – спесиво надула губы гражданка Туш-

кб.

– Желательно универсальную. Но на первое время сойдет и локальная. – отрезал Кирилл. – Вам же, вероятно, будет проще организовать пехоту и подыскать пару-тройку тракторов.

– А трактора зачем? – наморщил нос Харитон Ильич.

– Трактор в нашем деле, Харитон Ильич, это не железный конь, а агитатор-профессионал. Тот, кто каждую собаку в городе знает, и тащит за собой «пехоту», то есть, агитационные бригады. Как видите, дел невпроворот, нужно торопиться. Следующее заседание штаба – завтра в девять ноль-ноль.

– Завтра? – удивился Харитон Ильич. – Завтра не получится. Выходные. Суббота.

– В нашем деле, любезный, выходных не бывает! – заявил Кирилл.

– В вашем, может, и не бывает, – ответил Зозуля. – А в нашем Славине вы в выходные ни одной живой души не найдете. Все на дачах.

– Хорошо, – пожал плечами Голомёдов. – Мы придумаем, чем заняться. Значит, в понедельник. Все! Да, и чуть не забыл. Организовать мониторинг всех местных СМИ на предмет упоминания кандидатов доверяю Зиониде Ленаидовне. Тьфу! Зинаиде!

– Как это? – Не поняла гражданка Тушко

– Ежеутренне вы будете просматривать все местные газеты и отмечать любые публикации о кандидатах. Желательно,

маркерами разных цветов. Количество позитивных и негативных упоминаний будете подсчитывать и заносить в два различных табеля. Каждую неделю жду от вас отчет – кого чаще хвалят, а кого ругают. Если Харитон Ильич будет отставать по позитивным упоминаниям и лидировать по негативным – ответите головой. Теперь все! – широко улыбнулся Кирилл а про себя закончил: «Чем больше ты будешь занята тупой работой, тем меньше будешь путаться под ногами».

Глава 2. В Промышленном Тупике

Близился субботний полдень. Кривая улица лениво уползала от города в сторону речки Беспуты. Когда-то в ней неплохо ловилась впроводку плотва, в омутах пристаивались лещи, головли и окуни, порой можно было вытянуть щуку на живца или подцепить налима донкой. Но после того как поблизости построили шинный завод, местные жители переименовали Беспуту в Дивинилку.

Слева великанскими сигарами торчали пять труб промышленного гиганта. Только одна из них задумчиво выпускала клубы сизого дыма. Улицу пересекали пути заводской железной дороги, по которым когда-то передвигались тепловозы, обмениваясь бодрыми гудками. Теперь же – ввиду системного кризиса – вдоль железнодорожной насыпи передвигались все больше мужики поддато-пролетарского вида, которые при встрече обменивались приветственно-хриплыми матюками. Где-то вдалеке громыхали тяжелые грузовики, спешившие мимо Славина в сторону столицы. Мусорная сопка на соседнем пустыре довершала гармонию промышленной пасторали.

Голомёдов тихо ругался, перепрыгивая лужи. Раздайбедин, засунув руки в карманы оранжевых шорт, с непосредственностью иностранца на Красной площади, разглядывал щербатый штакетник и редкие сколиозные деревца.

– Индустриально-алкогольная эклектика. Шедевры сыро-кирпичного зодчества. Архитектура выдержана в строгих канонах новейшего палеолита. Здесь нам выпить не дадут, – подытожил Василий в своей лениво-расслабленной манере.

– Н-да... Ну и округ у нашего кандидата! Этих на семейные ценности не возьмешь! – удрученно согласился Голомёдов. – Это хорошо, что мы вышли сориентироваться на местности. Теперь я понимаю, почему Харитоша сюда не суется. Таковую крепость надо брать только на грузовике с водкой!

Василий брезгливо скривился:

– С водкой? Скучно. Не элегантно. Чем больше трудностей в борьбе, тем и победа будет краше. Это не я. Это Лопе де Вега.

– Не все ли равно – доблестью или хитростью победил ты врага? – парировал Голомёдов. – Это, кстати, Вергилий.

– Побеждать – глупейшее занятие. Не побеждать, а убедить – вот что достойно славы. – Вздохнул Василий и выплюнул разжеванную травинку.

– А это кто?

– Гюго.

– Вот пусть Гюго и убеждает. А я предпочитаю действовать наверняка. Играть нужно на самых звонких струнах человеческой души. Избиратель – как ребенок. Ему нужно просто пообещать ту игрушку, которую он хочет. Тогда он становится послушным и примерным, чтобы ее получить. Нужно просто понять – какой игрушки ему больше всего не

хватает.

– Ты думаешь, им не хватает водки? Не... Как раз водки тут с избытком.

– Во-первых, водки не бывает много. Не тебе объяснять. А во-вторых... Во-вторых, ну чего им может не хватать?! – с сарказмом воскликнул Кирилл и обвел улицу широким жестом. Василий подумал, посмотрел на Голомёдова сквозь желтые очки и уверенно сказал:

– Самоуважения.

– Слово красивое. Даже слишком красивое для этих мест, – воскликнул Кирилл, перепрыгивая очередную лужу, но мысль против воли заработала в указанном направлении.

– А как ты себе это видишь? Слоган «Промзона – это звучит гордо!»?

– Родину любят не за то, что она велика, а за то, что она своя. Сенека Младший.

– Слушай, откуда у тебя все это в голове?

– Из сортира, – пожал плечами Василий. – В гостинице в туалете предыдущий постоялец оставил томик Мудрых мыслей. Как известно, при правильном подборе литературы в туалетной комнате можно получить второе высшее образование... И потом, что ты имеешь против того, чтобы я черпал вдохновение для нашей работы из этой Сокровищницы человеческой мысли?

Кирилл настороженно посмотрел на своего коллегу, и мрачно вздохнул:

– Меня в этой ситуации радует только то, что предыдущий постоялец забыл именно Мудрые мысли. Страшно подумать, какими бы могли стать эти выборы для Славина, если б он забыл, к примеру, Справочник по скрещиванию выхухолей в условиях малогабаритной квартиры...

Василий остановился, как вкопанный. В широко открытых глазах за желтыми очками загорелось неподдельное восхищение. Но, увы, Кириллу было не суждено узнать, на что способно воображение его коллеги в части скрещивания представителей семейства кротовых из отряда насекомоядных. Неожиданно прямо под ноги Голомёдову выскочила тощая растрепанная галка. Серые перья охватывали ее шею как вязаный платок. Галка раскрыла клюв и нахально что-то гаркнула на своем трескучем языке. От неожиданности нога Кирилла поехала по жидкой грязи, и он, чтобы не упасть, ухватился рукой за черный кол изгороди. Истлевшее дерево надломилось с громким треском, до странного похожим на крик галки. Кирилл еще не успел почуять неладное, как из ближайшей калитки высунулась востроносая старушечья голова, запеленатая в лохматый серый платок.

– Потри, милоч! – бесстрастно каркнула голова.

– Что потереть? – Опешил Кирилл.

– Сегодня потри! – повторила бабка.

– Зачем?!

– Так вам не надо?! – бабка неожиданно разозлилась. –

А чего забор было ломать! Тоже нашли молодую – бегать за

вами!

– Нам надо, бабушка. Не воюй. – включился в беседу Василий.

Лохматый платок быстро исчез.

– Что это было? – поинтересовался Кирилл.

– Сейчас узнаем, – флегматично пожал плечами Василий.

Через некоторое время калитка снова скрипнула. Из нее высунулась по-птичьи сухонькая коричневая лапка, сжимающая горло грязной пластиковой бутылки. Внутри плескалась подозрительного вида жидкость.

– Вот. По три. По три червонца за пилюлёк.

Василий достал из кармана пятидесятирублевку и сунул ее бабке.

– Так вам с газом? А чего сразу не сказали! – снова возмутилась старуха. – Ладно уж. Давай. Пшикну.

Она снова исчезла и появилась уже с каким-то баллончиком в руке.

– Что это у тебя? – поинтересовался Раздайбедин.

– Знамо что! Дихлофос! – ответила бабка не без гордости. – Давай пилюлёк-то! Пшикну! По три – простая, по пять – с газом!

Голомёдов попробовал, было, протестовать, но Раздайбедин решительно протянул бутылку. Старушка поколдовала над нею и вернула Василию. На Голомёдова она посмотрела не то с интересом, не то с презрением и ушла, бормоча себе под нос:

– Ходят тут. Сами не знают – с газом, без газа! Бегай им! Нашли молодую!

– Ты чего? – недовольно воскликнул Василий. – Чинишь препятствия на пути познания Вселенной?!

– Ты, Вася, и без дихлофоса того... Размахиваешь воображаемым хвостом. – нерешительно сказал Голомёдов. – Как ты можешь это пить? Интеллигентный же человек с высшим образованием.

– С двумя – поправил Василий. – Второе, философское, получаю в туалете. Каждую незнакомую жидкость я воспринимаю как вызов своей адекватности. Перчатка брошена!

С этими словами Раздайбедин сделал приличный глоток.

– Хм-м! Раскрывает чакры!

– Ты, Василий, заодно вечером своим свежим дыханием тараканов в гостинице потрави.

– Двойная польза. Хорошо, что по пять взяли, а не по три!

– По три? – вдруг остановился Кирилл, посмотрел на Василия, почесал подбородок и тихо произнес:.. – Потри, по три... Ну, вот же! Нашел! Оно же прямо под ногами лежит! ПОТРИ-отизм! Ну, точнее, пАтриотизм. Гениально!

– Думаешь? – с сомнением посмотрел на него Василий.

– Так ведь само просится! – счастливо засмеялся Голомёдов. – Город Славин. Славяне. Слава! Любим свой город и гордимся им!

– Я говорил про самоуважение. Патриотизм и самоуважение – вещи разные.

– Да чем же разные?! – Голомёдов был уверен, что выловил из омута сознания Золотую рыбку, и потому пессимистичный тон Василия ничуть не задел его.

– Самоуважение есть нравственное здоровье. А патриотизм – разрушительная, психопатическая форма идиотизма, – сдержанно сообщил Василий.

– Глупость!

– Бернад Шоу.

– Ты, Василий, приехал сюда за деньги врать, или мне прививать возвышенные идеалы?!

– Нет, Кир. Я не про идеалы. Я про то, что не сработает.

– Да почему не сработает?! Советский Союз на патриотизме построили. Войну, в конце концов, выиграли. А проголосовать с патриотизмом – это и вовсе плевое дело.

– Ты не видишь разницы между любовью к Отечеству и любовью к государству? Не поверят. Сыты люди патриотизмом.

– Разницу я вижу. Но на то МЫ здесь, чтобы ОНИ разницы не увидели! – кивнул Кирилл по направлению к Слави-ну. Василий помолчал, возвращаясь к своему флегматичному состоянию.

– Решил – делай. Только я в «по три»-отизм верю даже больше, чем в «патриотизм».

– «По три»-отизмом мы воспользоваться всегда успеем, если ничего другое не сработает.

Они дошли до конца улицы и начали спуск по кривой

лестнице, наполовину скрытой зарослями рябины. Серые ступени, иногда теряясь в траве или утопая в глине, вели к Беспуте. На ее берегу еще во времена воеводы Дрынова раскинулась Слободка Беспутная, в новейшей истории переименованная в городской микрорайон «Промышленный Тупик». Правда, никакие городские блага до слободы так и не добрались. Как была деревенька, так и осталась. За ее околицей и пролегла граница избирательного округа Харитона Ильича Зозули.

– Название «Славин» мы хорошо обыграем. Славное название! – рассуждал вслух Голомёдов, шагая по широким ступеням. – Но вот чем бы их таким еще раскачать, чтобы маршировали на выборы в едином патриотическом порыве? Скажи, Василий, тут война была?

– Была.

– Это хорошо. И город немцам не сдали?

– Сдали.

– А вот это плохо. Как-то непредусмотрительно подошли к вопросу – не учли наши нужды... Но ведь потом освободили?

– Освободили.

– Когда?

– В сорок третьем. Кажется, в марте.

– Н-да... Как говорится, поторопились. Обидно, что в марте. Осень на носу. И День Победы прошел. К какой же дате нам привязать нашу бурную деятельность? В честь чего

по городу пройдут торжественные шествия, чему посвятит свои речи будущий мэр?

– Смотри... Опять она... – шепнул Василий, перебивая Голомёдова.

По лестничной ступени вниз прохаживалась все та же похожая на старушку галка в сером платке из растрепанных перьев. Она с вызовом посмотрела на визитеров, скосив глаз, и несколько раз ударила черным клювом по выщербленной ступени.

– Брысь! – крикнул Василий и замахнулся на галку пластиковой бутылкой с мутной жидкостью.

Галка презрительно глянула на Раздайбедина, по-старушечьи скособочившись, подпрыгнула, и полетела куда-то вниз, лавируя между рябиновыми ветками.

– Лети-лети! Не забивай голову! – напутствовал Кирилл галку и спустился на несколько ступеней вниз. – Так вот, Василий. Нам нужен хороший информационный повод, чтобы поднять патриотический вал. Например, какая-то дата, историческая веха... Что думаешь?

Василий не ответил. Кирилл оглянулся, и увидел, что он носком сандалии очищает от глины лестничную ступеньку, на которой только что сидела растрепанная галка. Под глиной проступали затертые буквы. Крайне удивившись, Голомёдов присел на корточки и стал помогать коллеге щепкой. Через некоторое время они, запинаясь на старорежимных «ятях» и «ерах», прочли:

– Под сим камнем... 1812 года... августа месяца, 26-го дня... погребено тело девицы Елисаветы Петровны Шени... Шейни...

– Шейниной

– Что это? – удивился Кирилл

– Это? Могильная плита. Надгробие девицы Елисаветы Петровны, почившей почти 200 лет назад. И ниже могильная плита. И дальше тоже. Вся лестница из надгробий.

– Веселая лесенка! – воскликнул Кирилл. – Наверное, какое-то старое кладбище воспрепятствовало очередной стройке века. Могилы сровняли с землей, а плиты на лестницу пустили. Чего добру пропадать? Черт побери! А местные жители мне нравятся все больше и больше!

– Дата. Смотри.

– А что – дата?

– 1812 год. И залпы тысячи орудий слились в протяжный вой... *Bataille de la Moskova*. Теперь понял?

– Нет.

– 26 августа по старому стилю или 7 сентября по новому... А еще говорят, что «помнит вся Россия про день Бородина»... Историческая веха. Информационный повод, который ты ищешь.

Голомёдов посмотрел на коллегу стеклянными глазами. Постепенно в них начал разгораться дьявольский огонь.

– А что! Забавно! Честное слово, забавно! Великую Отечественную замурыжили уже по самое «не хочу». Двух слов

новых не скажешь. Все, кому не лень, уже пропиарились. А тут – такой простор! «С небывалым размахом Славин отметил годовщину Бородинского сражения». «Город почтил память героев войны 1812-го года». «Харитон Зозуля возглавил патриотическое движение «Ведь были ж схватки боевые!» Заголовки-то какие, а?

Тем более, живых участников тех событий, насколько я понимаю, уже не осталось? Можно смело воздавать им почести, гордиться их подвигом, и никто не будет терзать уши своих нытьем про нищенскую пенсию.

– Гордость предками возрастает пропорционально дистанции... – сказал Раздайбедин и почему-то грустно вздохнул.

– Ты б, Вася, не вздыхал, и на денатурат в бутылке не засматривался. Повороши-ка ты лучше вечером Интернет, или по архивам каким местным пробегись. Ну, как ты умеешь. Словом, разыщи мне про Славин что-нибудь погероичнее.

– Понял. Погероичнее. Про Славин и 1812 год.

Василий притопнул ногой по надгробию-ступеньке и кивнул, а Кирилл радостно продолжил:

– Слушай! А давай в Славине на центральной площади памятник водрузим? Эпическая композиция «Смешались в кучу кони, люди». Денег у Харитоши хватит. Это даже не на весь город шум будет, и даже не всю на область. Это мы, Василий, в федеральные новости попадем и качнем всю нашу

Необъятную от края до края!

Переговариваясь таким образом, Голомёдов и Раздайбедин миновали лестницу и вышли к Промышленному Тупику, бывшей Беспутной Слободе. Трудно сказать, какое название – современное или историческое – больше отражало беспутно-промышленную действительность. Дома были разбросаны невпопад, как будто нес дурень жменю гороха, да запнулся и рассыпал. Одни наваливались друг на друга стенами, и казалось, что вот-вот – качнуться, обнимутся и хмельно забормочут: «Ты меня уважаешь?» Другие убежали на отшиб, как Бобик, собравшийся в одиночестве погрызть кость. От главной улицы ручейками утекали кривые переулки, которые терялись где-то под заборами и в огородах. Над крышами поднимался купол местной церквушки, выкрашенный в тот сине-зеленый казенный оттенок, который обычно имеют стены больниц и военкоматов.

Центральная улица (она же Тупик) упиралось в одноэтажное здание клуба. Перед ним Кирилл и Василий невольно остановились.

– Ого! – присвистнул Раздайбедин. – Скажите, что здесь курят, и дайте это мне...

На небольшой и довольно ухабистой площади перед клубом расположилась... сказка. Сказка состояла из дырявых тазов, старых шин, коряг, сломанной домашней утвари, древесных пней и другого невообразимого хлама. Но тазы, прибитые вверх дном к пенькам и выкрашенные в ярко красный

цвет с белыми пятнышками, превратились в семейку мухоморов. Старые покрышки, раскроенные умелой рукой, преобразились в пару белых лебедей, влюбленных друг в друга. Маленький желтый слон при взгляде на этих резиновых птиц восхищенно качал головой, в которой прежний владелец вряд ли узнал бы свой проржавевший чайник, давно выброшенный на помойку. Посредине площадки возвышалась в человеческий рост самая настоящая избушка на курьих ножках, и только очень внимательный наблюдатель угадал бы в ней мраморный постамент, давно покинутый каким-то неизвестным памятником. Теперь здесь хозяйничала коряга, вооруженная старой метлой и повязанная цветастым платком – баба Яга.

Эти большие игрушки поражали одновременно своей незамысловатостью и удивительной выдумкой. Голомедов вдруг почувствовал себя малышом, которого подвели к витрине кондитерского магазина и разрешили попробовать сразу все. А он от неожиданности растерялся до колик в животе, и готов зареветь от обиды на то, что съесть все за один раз не получится.

– Однако! – только и смог выдавить из себя Кирилл.

– Ну что? Знакомство с творческой интеллигенцией, выявление местных активистов и в гостиницу? – хмуро спросил Василий и нетерпеливо потянул Кирилла за локоть. В своих оранжевых шортах и желтых очках Раздайбедин со стороны казался троюродным братом яично-желтого слона с нержа-

веющей головой.

– Точно... Пошли в клуб... – ответил Кирилл чуть рассеянно.

Дверь клуба оказалась запертой изнутри. Ветер трепал на стене объявления: «Продам сот. телефон. Б/У, недорого», «Покупаем волосы, дорого», «Лажу печи», «Ведется прием шкур КРС» и постер с рекламой мыла для интимных мест. Голомёдов постучал. За дверью раздалось неясное бормотание. Кирилл проявил настойчивость. В конце концов, лягнул засов, и из двери показалась заспанная и небритая морда клубного цербера.

– У-хррррена-ттты... Ыыы-ё-на-пля! – прорычала морда, обдав визитеров запахом дихлофоса.

– Товарищ! Нам бы директора! – строго заявил Голомёдов, глядя в мутные глаза.

– Ии-на-хррн! – поддержал беседу абориген и вышел на крыльцо целиком. Голомёдов увидел перед собой дядю трехметрового роста в рваных болотниках и оробел. Раздайбедин выказал бóльший опыт в приручении церберов:

– Выпить хочешь? – спросил он и мотнул перед носом сторожа пластиковой бутылкой. Абориген с готовностью протянул огромную волосатую лапу, наметанным движением скрутил крышку, поднес горлышко к правой ноздре и алчно втянул воздух.

– С газом! – уважительно прорычал он, и бутылки Василию не вернул.

Через некоторое время они уже сидели на крыльце, курили, и смотрели, как мерно поднимается и опускается массивный кадык аборигена. Допив, он бросил пустую бутылку в сторону семейки мухоморов и вполне осмысленно икнул.

– Тебя как звать, друг? – спросил Василий.

– Пёдыр. – прорычал абориген.

– Пёдыр? А скажи-ка мне, дядя Пёдыр, где найти директора клуба?

– Танцы вечером! – отрезал Пёдыр.

– Мы не на танцы. Нам директора бы повидать.

– Директор – в понедельник. Из города того... Приедет. Если с чем срочным – к Чапаю.

– «К Чапаю» – это куда? – поинтересовался Кирилл.

Дядя Пёдыр сначала указал на детскую площадку, потом махнул рукой вдоль проулка и неопределенно пояснил:

– Там. Мимо не пройдешь. Еще хлебнуть есть?

Разыскивать загадочного Чапая Голомёдов отправился один. Василий выразил мягкий по форме, но жесткий по содержанию отказ. Кирилл, зная коллегу не первый день, понял, что Василий намерен продолжить общение с дядей Пёдыром, и намерение свое выполнит во что бы то ни стало.

– Ты это... Поаккуратнее! – наставительно заметил он и зашагал в сторону Беспуты, внимательно осматривая встречные палисадники.

Дом Чапая он увидел издалека. Не узнать его на фоне серых безликих избышек было сложно. Ребенок от такого дома

пришел бы в восторг, турист – в недоумение. Ну а скучный и деловой человек мог бы всерьез задуматься об адекватности хозяев этого строения. Дом глядел на мир разноцветными резными ставнями и производил впечатление большого печатного пряника. Даже кругляки бревен были выкрашены в разные цвета. Над воротами восседала деревянная русалка. С конька крыши косил большим желтым глазом фанерный петух. Кириллу показалось, что избушку эту выстроило из разноцветных кубиков шаловливое великанское дитя. Ведь только дети одинаково искренне радуются леденцу, цветному стеклышку и стрекозиному крылу, в котором отражается радуга. И только дети, сложив все эти «сокровища» в кучу, любят ими. Взрослые же видят только хлам.

Похоже, владелец этого дома, словно разноцветные стеклышки, подбирал под ногами ласковые солнечные деньки, добрые слова, задорные мысли и приподнятое состояние духа. Свои находки он заботливо сносил в свой двор и, ничуть не жадничая, выставлял на всеобщее обозрение: мол, берите хорошее настроение, кто хотите! Мне не жалко!

Дом улыбался и манил. Дом настораживал. Кирилл обогнул деревянного Лешего, который тянул ему из палисадника свою сучковатую лапу, и постучал в розово-желтые ворота.

Глава 3. Ночные видения Раздайбедина

Василия разбудил ночной крик серой птицы. Он разлепил глаза и в полутьме различил незнакомый цветок на обоях. Это обстоятельство кому-то может показаться малозначительным. Но попробуйте поставить себя на место участника событий, и вы поймете, что это довольно тревожная примета. Особенно если вы не понаслышке знаете, что такое семейный очаг, слово «режим» для вас – не пустой звук, и свой день вы привыкли начинать по знакомому до ярости звонку будильника. В этом случае видеть при пробуждении незнакомые цветы на обоях – к головной боли, опозданию на работу и серьезным осложнениям на семейном фронте.

Василий не был обременен узами брака. Кочевой образ жизни, к которому обязывала профессия разъездного политконсультанта, так же дал ему определенную закалку перед приметам подобного рода. Но к незнакомым цветам на обоях Василий интуитивно относился с опаской. Он осторожно пошевелился и понял, что лежит в одежде на каком-то скрипучем ложе. Василий напряг память, но она оказалась плохой помощницей. Она подсовывала яркие виды прогулки по округу Харитона Ильича, чуть более смазанную картину знакомства с дядей Пёдыром и совместного распития че-

го-то относительно-спиртного в подсобке клуба, пахнувшей масляными красками, старым кумачом и плесенью. Потом – густой рябинник, лестница, вымощенная могильными плитами. И растрепанная галка (совсем уж расплывчато, будто в сумерках). Ее со своего пути он прогонял, размахивая рябиновой веткой и топая по могильным плитам ногами. И все. Дальше память предательски молчала, категорически отказываясь объяснять незнакомые цветы на обоях.

Василий осторожно повернулся на другой бок. Старые пружины злорадно заскрипели, демаскируя любое его передвижение. Испуганно замерев, Василий попытался провести рекогносцировку на местности.

Комната, где он находился, была очень маленькой, но могла показаться огромной – стены и потолок терялись в неярком свете свечей. Черный гигантский комод и еще какая-то резная мебель, наполовину задернутая темными чехлами, бросали размытые тени куда-то в бесконечность. Свечей, как успел сосчитать Василий, было шесть. Они размещались в зеленом от времени канделябре и горели бесшумно, не мигая и не подрагивая пламенем, будто не горели вовсе, а застыли на картине, нарисованной очень мрачным художником. Так же молчали гигантские маятниковые часы у стены. Витые стрелки замерли, показывая без четверти полночь.

Вместе с тем, мрачная комната с ее полумраком и безмолвием, внушила Василию не ужас, а необъяснимое чувство умиротворения и даже некоторого уюта. Причиной это-

го неожиданного ощущения была девушка. Она неподвижно сидела в кресле-качалке, закутавшись в вязанную кружевную шаль с кистями. Ее тонкие пальцы держали какую-то переплетенную кожей книжицу. Глаза на бледном лице казались испуганными, но в то же самое время смотрели на Василия доверчиво, как будто знали – в мире не бывает зла. Девушка застенчиво улыбалась. Василий мучительно думал, с чего начать разговор.

– Здравствуйте! – наконец, произнес он, отказавшись от всяческих потуг на оригинальность.

– Здравствуйте Василий Алексеевич... – ответила девушка тихо. Как будто кто-то осторожно тронул пальцами струны гуслей. Звук ее голоса показался Василию знакомым. Но где и когда он слышал эти интонации, Василий припомнить не мог.

– Простите, я...

– Не извиняйтесь. Я понимаю.

– Да. Я тут немного эм-м-м... Словом, как я здесь очутился?

– Вы стучали, и я вас впустила.

– Я стучал? – смутился Василий.

– Да. Неоднократно. И, кажется, ногами.

– Простите! – искренне воскликнул Василий.

– Полноте! Чего уж? Я привыкшая. Наверху постоянно шумят, стучат и топают. – вздохнула девушка и с сожалением посмотрела на серый потолок. Василий проследил за ее

взглядом, и вдруг почувствовал, будто по хребту кто-то повел холодными пальцами. Над собою в темноте он разглядел что-то мрачное, замшелое, до странного напоминающее могильные плиты, виденные им сегодня на пути к Беспуте. Ему вдруг начало казаться, что все происходящее он видит во сне. В голове появилась догадка, которая показалась Василию чудовищно нелепой. Но то же время, задавая свой вопрос, он уже знал, каким будет ответ:

– Елизавета Петровна? Шейнина?

– Вы запомнили? – девушка потупила глаза, и бледная улыбка тронула ее неяркие губы.

Мысли в голове Василия завертелись огненным колесом. Быстро сменяющейся чередой ярких вспышек промелькнуло: «Я?!», «В могиле?!», «С незнакомой девицей Шейниной?!», «А это прилично?», и взорвалось мощным фейерверком: «ДОПИЛСЯ, БЛИН ГОРЕЛЫЙ!!!» Пытаясь задать зарождающуюся панику, Василий накинуд на лицо развязную улыбочку и саркастически приподнял брови:

– Тесновато у вас тут!

Елизавета виновато опустила голову:

– Да уж... Хоромы нам не положены.

Василий хотел спросить, почему, но тут же осекся, решив, что вопрос прозвучит бестактно.

– И как вы тут? Ну, в смысле, не скучно?

– Скучно. Но я привычная. Со временем ко всему привыкаешь.

Елизавета снова грустно вздохнула. Василий попытался найти какое-нибудь логичное объяснение происходящему, но голова отказывалась работать. Он тихонько ущипнул себя за ухо. Ухо отозвалось вполне реалистичной болью.

– Но как же я? Ах, да, я уже спрашивал: я стучался, и вы меня впустили. Я не специально – ногами. Я не думал, что потревожу... А... Обратно? Я могу – обратно?

Елизавета вскинула на него взгляд и с затаенной надеждой проговорила:

– Обратно? Уже? Но... Может быть, сначала вы хотите получить то, зачем пришли?

Никаких предположений, зачем он пришел, Василий не имел. Возможные варианты вызвали все тот же неприятный холодок между лопаток. Тем не менее, Василий, как человек, к чьему воспитанию в свое время прикладывалось немало усилий, пробормотал:

– Да, я бы хотел...

Елизавета обрадовано посмотрела на Василия

– Итак, вы сказали: «Что-нибудь про Славин и 1812 год?»
Что-нибудь, как вы изволили выразиться, «погероичнее»?

– Д-да...

– Это был страшный год для России. – Елизавета раскрыла книжицу, лежавшую на коленях. Ее голос зазвучал тихо и немного торжественно:

– 25 августа, император Наполеон, в большой массе штаба и генералов, сделал рекогносцировку, осмотрел положе-

ние российского стана. Неприятельских войск атакующих, как показывали потом пленные, было 170 тысяч, да в резерве в 30 верстах 20 тысяч. Российских же войск, как известно, было накануне сражения и грудью стало 100 тысяч.

Россияне начали готовиться к падению за Отечество молитвою. Утро было проведено в церковной палатке, поставленной в центре армии, в слушании литургии и в знаменовании в чудовный образ Божией Матери Смоленской, привезенной армиею с собою из Смоленска. И почти до вечера входило к ней на поклонение все воинство.

Неприятель же с вечера почти и всю ночь провел в шумном веселии и кликах, увеличил огни и на левом их фланге выставил даже ярко пылающий маяк. Русской же стан ночь покрыла мертвою тишиною, даже огней подле их бивак видно не было.

– Простите, Елизавета! Откуда вы это знаете? – спросил Василий и тут же осекся. – А, ну в смысле, я понимаю...

– Вы ведь хотели свидетельства очевидцев? – почему-то смутилась в ответ Елизавета. – Я продолжу?

– Конечно...

– Пробуждение же в день 26 августа 1812 года пребудет надолго в памяти каждого российского воина, участвовавшего в сей кровопролитнейшей битве. С показанием на горизонте солнца, предвещавшего прекраснейший день, показали из лесу ужаснейшие колонны неприятельской кавалерии, чернеющиеся, подобно тучам, подходящим к наше-

му левому флангу. И неприятельских батарей, как молния за молниею, одна за другою с громом посыпались ядра градом на стан русской. Палатки, еще в некоторых местах стоявшие, как вихрем, ядрами оными были сняты, и кто в них покоился еще, тот заснул вечным сном. Вставай, Русс! – смерть подошедшая будит и враг бодрствует!

Василия гипнотизировал мелодичный голос, который скрадывал недостатки и витиеватости слога. Вслушиваясь в его мелодию, Василий увидел, как запестрили мундиры, услышал бряцание оружия. На ветру развернулись знамена и плюмажи кавалеристов. Пехотные полки оцетинились пиками и штыками. Артиллерия навела на неприятеля жерла пушек... Пороховой дым закрыл Бородинское поле.

– Пушечная канонада обоюдно начала усиливаться; батареи, выпустивши все заряды, сменялись свежими. – продолжала читать Елизавета – Наконец, и корпуса наши с правого фланга и центра в густых колоннах тихими шагами в безмолвии подвинулись к левому флангу, неприятельская пехота во множестве колонн подходит также. Становится оглушающим гром артиллерий и ружей, тучи облаков густого порохового дыму взносятся в воздух, и, казалось, солнце в сумраке.

В одиннадцать часов одно возвышенное место, где поставлена была одна значительная российская батарея, облеклось облаками густого порохового дыму, сверканием огней, блеском разного оружия. Слышны поминутные крики «Ура!» и

«Виват император Наполеон!». Уже французская конница на батарее!

Поле брани уже покрылось множеством бездыханных трупов, лощины и кустарники – множеством стонущих, просящих одного – прекращения жизни – раненых. По рытвинам текла ручейками кровь человеческая, с обеих сторон еще падали мертвы герои. Гром артиллерии, действовавшей от начала и до конца до тысячи с обеих сторон орудий, визгом ядер, грохотом гранат, шумом картечи, свистом пуль взвещал желание неприятеля сбить с места россиян. Но оные мужественно противились, поражали, падали за Отечество и удивляли самих врагов.

Потеря с обеих сторон простиралась до 60 тысяч убитыми и ранеными. Так история судеб и царств человека вместила в себе битву под Бородином в число кровопролитнейших на земле. Тихо приняла земля в хладные свои недра в несколько часов десятки тысяч убитых людей. Но молния небесная, поражающая неприятеля, как ни слаба была, но уже заметна...»

Елизавета замолчала. Глаза ее, казалось, смотрели на Бородинское поле, по которому ручьями текла человеческая кровь. Василий первым стряхнул с себя оцепенение:

– Простите, Елизавета! Позвольте спросить. Что вы мне читаете? Это – ваше?

– Что вы! Это воспоминания одного подпоручика. Участника Бородинской битвы. Гавриила Петровича Мешетича.

Вы интересовались, и я позволила себе сделать выборку.

– А он имеет отношение к Славину?

– Нет. В 1812 году он был подпоручиком 2-й батареейной роты 11-й артиллерийской бригады 11-й пехотной дивизии 4-го пехотного корпуса. И...

– Простите, Елизавета! Но нет ли у вас м-м-м... Знакомых из Славина? Тоже с воспоминаниями?

– Понимаете, в Славинской губернии тоже формировались полки народного ополчения, – горячо заговорила Елизавета. – В городе проходил сбор денежных пожертвований на экипировку этих полков, деньги принимались от представителей всех сословий. Много солдат и офицеров из Славина сражались в составе различных воинских частях русской армии. Все это было, пока об этом помнили. Но теперь...

Елизавета в задумчивости провела тонкими пальцами по переплету книжицы. Меж ее бровей обозначилась чуть заметная скорбная морщинка.

– Это сложно, но я попытаюсь вам объяснить. Когда-то в Славине было Торцовское кладбище, где на особой аллее хоронили героев той войны. Но кладбища уже нет. На его месте выкопали котлован, когда строили новый завод. А могильными плитами... – Елизавета тяжело вздохнула.

– Да, про плиты я знаю... – Василий тоже смутился. – Скажите, и даже вы не сможете помочь? Ведь у вас есть, как бы это сказать, знакомства? Связи?

– Увы... И дело здесь даже не в связях. Дело, скорее, в

некоторых особенностях людской памяти. Если позволите, я объясню. Вот, к примеру, жил в те времена в Славине один человек. Генерал-майор Лев Бубнеев...

– Генерал? Это отлично! – воодушевился Василий.

– Как бы вам поточнее объяснить, – вздохнула Елизавета, – Лев Аристархович Бубнеев родился в 1771 году, но не в Славине. Имение Бубнеевых находилось где-то за городком Лыткарино в Подмосковье. Род был знатным, но обедневшим. Родителей мальчик лишился рано, и в 15 лет опекун определил его на военную службу. Был он сначала прапорщиком пехотного полка, потом – поручиком. Умом и смелостью не блистал. Не имея богатства и протекции, медленно продвигался по службе. В июле 1812 года в местечке Островно под Витебском он исчез. Долгое время считался погибшим. Но спустя пять лет он вернулся в Россию с рассказом о том, как при ночной вылазке его захватили в плен шассеры.

– Шассеры?

– От французского *chasseur* – егерь. Выяснить, по доброй воле или по принуждению Бубнеев оказался у противника, не представлялось возможным. Пришлось верить на слово. Так или иначе, его участие в войне – вопрос довольно условный. Если в чем по-настоящему и преуспел Лев Бубнеев, так это в искусстве пускать пыль в глаза. Его батальные рассказы пользовались чрезвычайным успехом у дам. В результате Бубнеев удачно женился на княгине Висловской, взял хорошее приданное, переехал в столицу, получил звание подпол-

ковника, вошел в Свет. К 1828-му году он уже был полковником, имел орден Святой Анны и, как говорят, наградное именное оружие, полученное из рук самого императора. Наверное, о некоторых секретах продвижения по службе и получения наград за «батальные заслуги» Льва Аристарховича могла бы поведать его жена, красавица Ольга Алексеевна. У нее же можно было бы расспросить о некоторых подробностях скандала и тайной дуэли Бубнеева с одним из членов царской семьи, после которой он был вынужден подать в отставку. Не то в память о его заслугах, не то о заслугах его жены, Бубнеев был уволен из армии в звании генерал-майора. Однако же из столицы он был удален в «почетную ссылку» – в Славинскую губернию. Здесь он приобрел имение недалеко от Буспутной Слободы. Вскоре от скуки пристрастился к вину и картам. В 1835 году Бубнеев умер, оставив свою семью в глубокой нищете.

Из-за слухов о наградном оружии, с которым он якобы был похоронен, могилу генерала многократно тревожили. Местные крестьяне мечтали найти его «золотую шаблюку». Можно было бы предположить, что саблю, полученную из рук императора, если она вообще была, генерал проиграл в карты или заложил ростовщикам задолго до смерти. Естественно, в могиле ничего не находили. Но слухи о неудачах забывались гораздо быстрее, чем сплетня о «золотой шаблюке». А потому землю на Торцовском кладбище перепахивали вплоть до строительства завода. Не только на кладбище,

но и в генеральской усадьбе, и вокруг деревеньки Бубнеевки.

Сегодня и усадьба, и Бубнеевка ушли на дно водохранилища. Где покоятся кости генерала Бубнеева, никто с точностью сказать не может.

– Даже вы?

– Даже я... Мы подошли к главному. К особенностям человеческой памяти. С нею все не так просто. Казалось бы, память дана людям, чтобы помнить. Но на самом деле она дана еще и затем, чтобы забывать. Что запомнить, а что забыть – решает сам человек. В этом и состоит искушение. Ведь, согласитесь, человеческая память очень часто бывает пристрастна. Иногда человек ревниво перебирает людские свершения и с гораздо большей охотой удерживает в памяти низкие и подлые поступки как возможное оправдание собственным подлостям и низостям, но не переносит подвигов, светлых и искренних жертв, объяснения которым не находит в себе.

Посудите сами: генерал Бубнеев остался в истории, благодаря скандальной красоте своей супруги и некоторым вольностям ее поведения. История сохранила этот пошлый светский анекдотец, утратив, правда, его подробности. Народная молва за двести лет не забыла даже генеральскую «золотую шаблону». А что осталось в истории от десятков тысяч жизней, которые прервались в один день на Бородинском поле? Для подлинного подвига тысяч и тысяч простых ополченцев, солдат и офицеров места на страницах истории нашлось

очень мало. Мы знаем имена десятков, в лучшем случае – сотен. Остальные ушли безымянными. Их имена с благодарностью хранились в памяти выживших в той битве.

Но человеческий век короток. Один за другим ушли те, кто видел Бородино своими глазами. Их имена постепенно стирались из людской памяти, как стирались они и с могильных плит. Вместе с ними стерлись люди. Поэтому я не могу вас познакомить с героями той войны. Их нет...

– А что есть?

– Наверное, вам виднее. Предположу, что с годами гром артиллерии и свинцовый дождь, рвущий плоть на куски, в людской памяти подменился бравурной барабанной дробью. Ополченец, вооруженный одной лишь дубиной-ошарашником или вилами, стал бравым усатым кавалергардом. Реки крови превратились в потоки шампанского, стоны раненых, моливших о смерти – в лихие гусарские баллады. Тиран, стоявший в двух шагах от порабощения всего мира, сегодня видится не более чем смешным коротышкой. Война, потрясшая и обескровившая всю Европу, перемолота памятью в развеселую прогулку хмельных гусар, которые прогнали французов едва ли не хворостиной, как стаю гусей.

Впрочем, вы и без меня все это знаете... Я, если так можно выразиться, несколько старомодна, и потому у меня-то несколько другой взгляд те события.

– Извините, Елизавета. Я, признаться, до сегодняшнего дня как-то по-другому представлял себе м-м-м... вопро-

сы жизни и смерти... Но, учитывая обстоятельства и всю необычность положения, могу ли я спросить о... вас?

– Обо мне? – смутилась Елизавета.

– Да! Мой вопрос может показаться странным. Но как же вы? Вы говорите, что тех людей стерли. А что будет, когда вас... вас сотрут?

Елизавета посмотрела на Василия долгим взглядом, в котором он прочел не то удивление, не то разочарование, не то глубокую тоску.

– Этого я, к сожалению, знать пока не могу, – наконец, сказала Елизавета и через силу улыбнулась. – Но что верно, то верно. Я действительно вписана здесь «на птичьих правах». Но, надеюсь, меня очень быстро не сотрут?

– Да, конечно! – поспешил заверить Раздайбедин, но в голове снова завертелось огненное колесо: «На птичьих правах!? Что это значит? Это все из-за той дрянной галки? Ведь это она показала мне могильную плиту! Может, и я здесь из-за этой проклятой птицы?! А ведь она мне сразу не понравилась! Я с ума сойду – это просто в голове не укладывается!»

Последние слова Василий произнес вслух.

– Наверное, у вас очень болит голова? – с сочувствием произнесла Елизавета.

– Есть немного – признался Василий. И вдруг, поражаясь своему нахальству и развязности спросил:

– А у вас выпить найдется?

Елизавета смутилась в ответ.

– Есть. Настойка. Но она, знаете ли...

– Долго настаивалась? – выручил Василий.

Елизавета развела руками:

– Гости у меня тут нечасто. А сама я... Ну, вы понимаете.

– Позвольте полюбопытствовать – что за настойка?

– Рябиновая, – просто пояснила Елизавета. По спине Василия опять пробежал холодок, и огненное колесо снова завертелось: «Само собой! Не из ананасов же – вокруг лестницы росли одни рябины! Что за вопросы я задаю! Впрочем, какая разница? Любая жидкость – лишь вызов моей адекватности! Будь что будет!»

Тем временем Елизавета встала и проплыла мимо Василия к черной громадине комода, вынула оттуда старинный графин с большой хрустальной пробкой, и витиеватый фужер. Принимая его из рук Елизаветы, Василий случайно коснулся ее пальцев и вздрогнул. Пальцы были холодны, как лед.

– Вечная память! – неуверенно произнес Василий, поднимая бокал. Елизавета ответила ему взглядом, полным невысказанной грусти.

Рябиновая настойка огнем растеклась по желудку и приятно ударила куда-то под темя. Реальность снова поплыла и смазалась. Василий опять подумал, что ему снится какой-то странный сон. Но даже во сне он не мог упустить возможность взять столь необычное интервью.

– Скажите, Елизавета! Но как? Как вы – здесь? Такая мо-

лодая – здесь? Объясните!

– Не уверена, что поняла вопрос. Я здесь потому, что таким был мой выбор.

– Самоубийство? – удивился Василий.

– Да, все мои знакомые сказали именно так... Моя история вряд ли может служить кому-то примером. Но лично я могу гордиться тем, что в своей жизни сделала хотя бы один решительный шаг. Правда, назад отсюда пути для меня просто нет.

Василий вдруг испугался и пробормотал побелевшими губами:

– Как – нет пути назад? Но ведь я... Ведь я же не выбирал само... Самоубийство! Я не хочу! Я не уверен, что выбрал правильно. Я был... немного не в себе!

– Не знаю, правильно ли я поняла вас. Вы не довольны тем, что выбрали?

– Нет. То есть, да. В некоторой степени. – Василий почувствовал, что мысли путаются все сильнее и сильнее.

– И что бы вы выбрали, если б имели такую власть? Кем бы вы хотели быть?

– Я? – Василий покраснел и сказал застенчиво. – Пожалуй, Богом...

– Богом? – Елизавета тихо засмеялась.

– Вы поймите! Не для себя. Для людей. Я бы их... Я бы им... – горячо забормотал хмельным языком Василий. Мысли сплетались в бесформенный разноцветный клубок. Смех

Елизаветы звучал переливом гусельных струн откуда-то издалека. Василий посмотрел через фужер на свечи в канделябре. Стекло заиграло шестью коричнево-бордовыми пятнами.

– Кровь... – успел подумать Василий, и все исчезло.

* * *

Где-то далеко внизу плескалась теплая чернильная вода, отражая звезды городских огней. Над головой плескалось теплое небо в огоньках настоящих звезд. Новоиспеченный бог Василий, чувствуя себя невесомым и счастливым, попеременно укладывал голову то на одно, то на другое плечо и смотрел, как линия горизонта качается относительно его переносицы. По его божественному капризу небо и вода менялись местами. Постепенно Василий перестал отличать одно от другого. Растворившись в космическом эфире, он вылавливал из бесконечности простые и понятные мысли.

– Войны, взаимная ненависть, коллективное сумасшествие... Люди несчастливы. Создавая их, я дал им либо слишком мало, либо слишком много. Чересчур мало, чтоб осознать истинную причину своих несчастий. Или чересчур много – ведь они осознают, что несчастны, но ничего не могут с этим поделать.

На секунду Василий перестал быть богом и перевоплотился в смертного, чтобы ощутить, как внутри черепа перека-

тываются разноцветные шарики, которых по вине Создателя у него либо слишком мало, либо слишком много.

– Будут ли они счастливы, если я избавлю их от болезней и подарю им совершенное тело? К примеру, дам им... хобот? Они смогут чесать спину за обедом, когда одна рука занята вилок, а другая ножом.

Василий снова перевоплотился – на этот раз в усовершенствованного человека. Он вдумчиво почесал хоботом между лопаток.

– Увы, нет. И с хоботом они не будут счастливы. Их несчастье в том, что они постоянно лгут. Намеренно или против своей воли искажают смыслы. Когда они не умеют верно выразить собственные чувства и мысли – они вредят, как правило, только себе. Если же умеют, но не хотят говорить то, что думают и чувствуют на самом деле – они становятся наполеонами. Семейного, производственного, государственного или даже мирового масштаба. Искусство намеренно искажать смыслы дает доступ к вреду тотальному.

Василий снова положил голову на плечо, отчего темная полоска горизонта встала вертикально, вытянувшись вдоль его переносицы. Слева плескалось небо, а справа – вода. Где-то между ними человечество замерло в ожидании своей судьбы.

– Человечество... Ты остаешься верным себе до конца. Ты не желаешь распознавать ложь наполеона или фюрера. Даже если обман заканчивается, ты еще долго по инерции

лжешь само себе, что сверженный идол был единственным, кто говорил правду...

Бог Василий поднял свою руку и простер ее к городу, адресуя ему немой вопрос.

– Как я могу вылечить вас от лжи? Подарить вам возможность читать чужие мысли? Это будет слишком жестоко по отношению к вам. У вас не останется тайн. Увидев насквозь души тех, кого вы считаете своими кумирами, вы будете настолько разочарованы, что не захотите жить!

Неожиданно по темным пальцам Василия, простертым к городу, пробежал золотистый отблеск.

– Вот оно! – вдруг понял бог Василий. – Люди должны менять свой цвет в зависимости от настроения. Если человек зол – он фиолетовый. Если добр и готов поделиться позитивом – будет золотистым. Если влюблен – цвета рубина, если хочет просто затащить девушку в постель – цвета мартини со льдом. Согласие – зеленый, отказ – красный. Глупость и алчность, разочарование и ярость – все будет иметь свой оттенок. Выборы и коронация наполеонов потеряют смысл. По первому взгляду люди научатся понимать, кто перед ними. В чести будут не власть и золото, а лишь золотистый цвет кожи, который будет свидетельством твоей доброжелательности и полезности окружающим. Лжец же покроется разноцветными пятнами, и это будут несмываемые пятна позора...

Василий смотрел на свою растопыренную божественную длань, по которой бегали, переливаясь, синие и красные све-

товые зайчики...

– Эй! Придурок! Оглох?! К тебе обращаюсь!

Грубый голос поверг новоявленного бога Василия с небес на землю. Точнее, на шершавый бетон, ощетинившийся арматурой. В глаза ударил золотистый луч фонарика. Синие и красные всполохи милицейской сирены освещали пейзаж, который становился все менее мистическим и приобретал черты недостроенного моста через Славинское водохранилище.

* * *

Люди всегда селились у водоемов. А если селились там, где их нет, то всегда впоследствии очень жалели о своем выборе. В Славине, как и в любом крупном городе, так же имела своя «водная преграда». В данном случае она была рукотворной. В индустриальные года обмелевшая речка Беспуты уже не могла удовлетворить нужды населения, неуклонно приближающегося к миллиону. А потому в Славине ударными темпами возвели плотину, перегородившую русло Беспуты.

Само собой, денег и времени на вдумчивое проектирование не было, а было стремление выполнять пятилетку за три года. Вырытый котлован оказался недостаточно глубоким, грунт – недостаточно прочным. Воды Беспуты немедленно затопили все прилегающие луга и смыли пригородные

деревеньки. Повезло лишь Беспутной Слободе, которая не попала в зону мелиорации и оказалась ниже линии плотины. Но, конечно, все это были мелочи по сравнению с грандиозным подъемом, который испытывала в эти годы вся советская страна. Закладка, ход строительства и торжественный пуск в эксплуатацию Славинского водохранилища освещались различными СМИ – от районных газет до центральной «Правды», а также в газетах некоторых других социалистических стран. Стройке посвящались стихотворения, поэмы, документальные киноленты и даже оперетта «Когда укрощена стихия».

А вот первой Славинской пятиэтажке, выстроенной на берегу рекордными темпами, повезло чуть меньше, чем Беспутной Слободе. Ее заселение планировали приурочить ко дню приемки объекта министерской комиссией. Многие потомки воеводы Дрынова даже успели получить ордера на квартиры в новом небоскребе (тогдашняя публика была не так избалована высотными зданиями, и небоскребами называла любые дома, выше двух этажей). Но оценить все прелести элитного жилья номенклатура не успела, поскольку первый Славинский небоскреб бесславно съехал в воду вместе с фундаментом, сваями, и пластом берега. Этот случай срывал все плановые показатели по вводу жилья в эксплуатацию, и внушал серьезные сомнения по качеству исполнения СНИПов. Но, к счастью, скандал удалось замять. Дом списали под снос аварийного жилья, скрыв все прискорбные факты и от

прессы, и от столичных ревизоров.

Заслуженные члены Приемной комиссии, в числе которых были министры, почетные академики и потомственные мелиораторы, под бурные аплодисменты перерезали красную ленточку. В целом их отчеты о грандиозной стройке были восторженными. Лишь какой-то заштатный инженеришка, который был включен в состав приемной комиссии явно по ошибке, отметил «некоторые недостатки». Как то: «отсутствие укрепленных берегов», «угроза застаивания воды ввиду низкой проточности» и «наличие в прибрежной зоне водосброса системы городских очистных сооружений». Но на такие мелочи никто не обратил внимания.

С годами отмеченные недостатки заявляли о себе все отчетливее. «Застаивание воды в прибрежной зоне» обернулось тем, что водохранилище наглухо заросло сине-зелеными водорослями. С ранней весны до поздней осени прибрежные отмели хорошо прогревались если не солнцем, то промышленными и канализационными стоками. Тепло и сырость сделали их излюбленным местом размножения комаров. Комариная популяция установила свои демографические показатели (примерно миллион на гектар), и в отличие от жителей Славина с легкостью достигала намеченного.

Проливные дожди – главные помощники Славинских коммунальных служб в вопросах уборки улиц – регулярно смывали в водохранилище пыль, мазут и прочую грязь с тела мегаполиса.

Построить новую систему очистных сооружений городской канализации по разным причинам так же не представилось возможным. Примечательно, что и забором воды для Славинского водопровода, и очисткой канализационных стоков руководило одно и то же предприятие «Славводоканал». Им в свою очередь руководил молодой, но подающий большие надежды, политик Славик Дрисвятов. Некоторые злые языки, нарочно коверкая название предприятия, произносили его как «Слава доконал». А кто-то всерьез утверждал, что Дрисвятов просто соединил выпускающую трубу с впускающей и пустил воду по кольцу.

Вячеслав Егорович умело отражал все нападки общест­венности, периодически заявляя в прессе, что многоступенчатая очистка превращает канализационную воду почти в родниковую. Для наглядности он демонстрировал журналистам свой настольный аквариум с рыбками гуппи и вну­шительно говорил: «Рыба – не человек. Она в дерьме жить не станет». Общественность со вздохами принимала заявления товарища Дрисвятова. Однако ж гости города полагались не на заявления, а на собственное обоняние, и потому все-таки чувствовали над водохранилищем отчетливый аромат дерь­ма, который перебивался лишь запахами фенола и дивинила со стороны промышленных гигантов.

Таким образом, население Славина получило в свое пол­ное распоряжение «водную преграду» со всеми ее плюсами и минусами. Однако со способом преодоления этой водной

преграды возникли большие вопросы.

Строительство моста через водохранилище началось практически одновременно с рытьем котлована. Но годы, подобно каравану верблюдов, неспешно шли один за другим, а капитальный мост так и не появлялся. Рядом с бетонными быками, подточенными временем, водой и ветрами, кое-где опираясь на них, выросла временная конструкция из железа. Предполагалось, что срок ее эксплуатации составит не более пяти лет. Такого срока – писали Славинские газеты – будет более чем достаточно для завершения работ по наведению капитального моста. Но, как известно, нет ничего более постоянного, чем временное. Каждый год компетентные специалисты в составе специальной комиссии вдумчивоковыряли ржавчину старых свай, осторожно пинали по хлипким опорам, а кое-кто даже прикладывал ухо к прогнутым балкам, пытаясь на слух оценить степень усталости металла и износ несущих конструкций. По итогам обследования комиссия неизменно приходила к выводу, что срок эксплуатации временного моста можно еще продлить.

* * *

По бетонному быку Славинского долгостроя, распахнув руки для объятий, шагал навстречу милиционерам счастливый и просветленный Василий. Как и зачем он оказался посередине водохранилища на недостроенной мостовой опоре

– Василий не знал. Но внутренне он был крайне рад своему успешному возвращению из загробного мира. Василий легко перелез через железные перила, отделявшие временно-постоянную конструкцию от постоянно-временной. Не дожидаясь приглашения, он вплотную подошел к милиционерскому «УАЗику» и радостно рявкнул:

– Да!

Молоденький лейтенант от неожиданности вздрогнул и отступил на полшага. Хмурый сержант выдвинул нижнюю челюсть бульдозерным ковшом и покрепче сжал резиновый «демократизатор».

– Категорически рад знакомству! – решительно заявил Василий.

– Документы! – потребовал лейтенант с непреклонной решимостью в голосе. Но от усердия он взял слишком низкую ноту, из-за чего горло предательски булькнуло, и дало петуха.

Василий подбоченился и с сарказмом посмотрел на служителей Фемиды:

– Не нужно. Я готов поверить вам на слово, без документов!

– При этих словах сержант нахмурился еще больше, а лейтенант почему-то покраснел.

– Извините... – пробормотал он робко. – Но хотелось бы, некоторым образом э-э-э... Посмотреть на ваши документы...

– Мои документы? – Василий слегка наклонил голову и оценивающе взглянул прямо в глаза лейтенанту. – Это можно. Но не здесь и не сейчас.

– Почему? – оторопел милиционер. Василий, интимно понизив голос, сообщил:

– Первое правило работы под прикрытием: не брать на задание документы, именное оружие, награды и прочие предметы, которые могут раскрыть агента.

Пока лейтенант, открыв рот от изумления, пытался осмыслить услышанное, сержант наклонился к его уху и хрипло прошептал:

– Слышь? Кажись, шпион! – и вдруг рявкнул в голос, обращаясь к Василию. – Руки! Руки на капот!

– Я отмечу ваше рвение и бдительность в своем отчете, – снисходительно процедил Василий.

– Нарушаете, товарищ... – полувопросительно пискнул лейтенант.

– Нарушаю? – искренне удивился Василий. – Что?

– Закон. Это... Административный...

– Нравственные качества справедливого человека вполне заменяют законы! – назидательно проговорил Василий. И тут же, гордо выпятив грудь, добавил:

– Раздайбедин! Капитан юстиции, инспектор Центральной службы надзора. Провожу осмотр стратегического объекта на предмет соответствия реального положения дел отчетной документации.

– Как это? – вытаращил глаза лейтенант.

– Мост ваш когда обещали достроить? – снисходительно спросил Василий.

– Давно... Я еще в школу ходил.

– Вот то-то и оно! А по документации, предоставленной из Славина в Федеральный центр, готовность моста – восемьдесят пять процентов. Средства на поддержание объекта в надлежащем состоянии регулярно выделяются и осваиваются. На деле – моста нет. В этом я только что убедился. И что ж вы тут думаете? А? – голос Василия крепчал. – Так-то вы соблюдаете паритет с условным противником? И это в то время, как враг не дремлет и по данным внешней разведки вплотную приблизился к рубежам нашей Родины? А если завтра война? Как колонны бронетехники и тяжелая артиллерия будут попадать с берега на берег? Отвечайте!

Лейтенант, который еще недавно получал двойки в общеобразовательной школе, а потом – и в школе милиции, привычно потупил взор и сосредоточил взгляд на носках своих ботинок. Но сержант не потерял присутствия духа. Он снова наклонился к лейтенанту и горячо выдохнул ему в ухо:

– Слышь? Надо б его того... До выяснения личности... Наружность у него подозрительная...

– Маскировка! – одними губами шепнул лейтенант. Тем не менее, он критически взглянул на Василия. Желтые очки, небритый кадык и грязные оранжевые шорты не внушили ему большого доверия. В то же самое время в душу лей-

тенанта закрадывался страх обидеть «не того» человека. Он решил действовать наверняка. А именно, соблюдая нейтралитет по отношению к незнакомцу, переправить его в руки вышестоящего начальства. А там – пусть разбираются.

– Может, вы согласитесь проехать с нами? Чайку-кофейку?

Василий задумался. Спешить было некуда. По сравнению с теми местами, где он недавно побывал, отделение милиции казалось родным и в чем-то даже привлекательным.

– Что ж... Кофейку. Пожалуй...

В этот момент на него сбоку неожиданно навалился сержант и, дыхнув в лицо запахом казенной котлеты, заломил руку за спину.

Глава 4. Чапай – соло на трубе

Общая тетрадь в зеленой обложке. На первой странице запись рукой Голомёдова: «Дневник пиараста». Зачеркнуто. Ниже – «Дневник». Тоже зачеркнуто. Чуть ниже – зарисовка сказочного теремка с петухом на крыше. Со второй страницы – записи, сделанные ровным неторопливым почерком.

«...Первое, что бросилось в глаза при знакомстве с хозяином – это светло-голубые, пронзительные глаза и густые, прямо-таки командирские усы. Коричневую продубленную солнцем кожу пересекают светлые овражки морщин, придавая лицу веселое и в то же время задиристое выражение. Он важно пожимает мою протянутую руку и представляется:

– Чапай!

Не совсем ясно, что это – имя, фамилия, прозвище, должность или побуждение к неизвестному действию. Но уточнить как-то не ловко. Судя по Чапаевским усам, все-таки, прозвище, на которое он охотно отзывается.

Дед Чапай невелик ростом. Но в его юркой фигуре до сих пор угадываются остатки былой удалы. Под большим картузом – совершенно точно – должен быть казацкий чуб. Но нет, с этим я обманулся. Под картузом пшеничные волосы, здорово разбавленные сединой и едва прикрывающие плешь. Ее он чешет перед тем, как утвердительно кивнуть головой:

– Ну, живи, коли добрый человек...

И я зажил. Первый час прожил неплохо: слушал ходики на стене и гадал в наступающих сумерках – сладко ли будет спать на такой горе перин с шестью подушками? А потом не то чтобы заскучал. Просто вместе с тишиной избы в душу заползла какая-то неловкость. Захотелось поскорее показать себя хозяевам с лучшей стороны и при особом везении – подружиться. И я двинул во двор.

Солнце закатывается за высокие ворота. Дед Чапай сидит под навесом на чурбаке, заложив ногу на ногу, курит и щурится на оранжевые лучи. Он с пристрастием расспрашивает меня: кто, зачем, откуда и надолго ли?

Вдохновенно вру. Понемногу лед тает. Так и калякаем о том – о сем. От нечего делать, смотрю на двор, высланный досками, на домик летней кухни и стайку для скотины. Везде порядок и добротность. Только вот под навесом, где, судя по всему, безраздельно хозяйничает Чапай, другие порядки. На его вотчине установлен верстак, который завален самыми разнообразными предметами от погнутого обруча со старого бочонка до большой резиновой клизмы, перемазанной мазутом. Я с любопытством разглядываю дедовы сокровища, и вдруг совершенно неожиданно мои глаза упираются в огромную медную трубу, которая тускло поблескивает в закатных лучах своими кручеными коленцами и клапанами. Меньше всего ожидал я увидеть здесь музыкальный инструмент, начищенный до блеска... Чапай, проследив за моим

взглядом, гордо усмехается:

– Что, нравится мой оркестр?

Я с удивлением киваю головой, но ситуация требует пояснения:

– А вы... Музыкант? Ну, то есть, зачем вам труба?

Чапай досадливо хлопает себя по коленке и вдруг, словно прорывает в нем словесный клапан, раздражается тирадой:

– Э-эх! Вас в городе в инкубаторе, что ль, выводят? Зачем... Этот – в клубе директор новый – тоже с городу приехал. Культуру, говорят, научным путем постигал. В училище... Но я тебе брехать не буду – с приездом мужик. Не понимает тонкостей. Тоже спрашивал: «Зачем?»

Чапай снова обиженно кивает головой, затягивается и продолжает задумчиво:

– Уж и не знаю, отчего во мне такое большое искусства понимание развилось... Не иначе, тятка с мамкой свадьбу под граммофон гуляли. Вот я у них такой культурный и вылупился! У меня даже работа по культурной линии – клуб сторожу!

Чапай искоса стреляет глазами: оценил ли? Видимо, на мое лицо вовремя выползла достаточно уважительная гримаса, потому что он продолжает уже гораздо веселее:

– Вот я и говорю: этот новый, значит, приехал, первым делом галстук на грудях поправил, а вторым – пошел инвентарь оценивать. Ну и нашел в кладовке оркестр. Под него, поди, еще революцию делали, да так и положили потом до дру-

гих торжественных событий. Этот из города языком цокнул и говорит: «Новые порядки заведем! Старье в металлолом сдадим, а на выручку электрическую гитару купим».

Дед задумывается и продолжает грустнее:

– Не знаю, может оно так и надо, по науке-то. Может, если парни девок за клубом шшупать начнут под это электричество, у них детишки пойдут с культурным понятием. Да только нельзя такую чрезвычайную вещь в металлолом...

Он смотрит на меня не то с вызовом, не то с просьбой. Я оглядываюсь на трубу, и киваю:

– Никак нельзя!

– Вот и я ему говорю: нельзя! Глянь, – говорю, – что сгубить хочешь! Да тут же в каждой дуделке красоты больше, чем в самоваре! А он мне уважительно так отвечает: вижу, мол, красоты знатока. Да только что толку, если по всей Слободе только двое нас, культурных – ты, да я – и подудеть больше некому? Ну, я ему в ответ и докладываю: как хочешь, верти, а трубу мне хоть одну на хранение отдай! Я, говорю, клуб тебе, если нужно, хоть два месяца бесплатно сторожить буду, а если не хватит – с пенсии досыплю!

С пониманием оказался человек, хоть и городской. Какую, говорит, хочешь? Ну, я – парень не промах – выглядел, какая поздоровей, и пальцем ткнул. Чего, думаю, мелочиться? Пока фарт прет, надо хватать, в которой голосу поболе! Он поначалу глаза вылупил. А потом хихикать начал. Интеллигентно так... Репетировай, говорит, товарищ! С зарплаты

рассчитаешься! И пошел дальше имущество смотреть!

Дед, развеселившись, встает с пенька и делает передо мной театральную проходочку гоголем. Потом возвращается, хитро щурясь, выставляет перед собой руки – не то дрова несет, не то дитя баюкает – и продолжает:

– А я трубу ухватил, тяну ее, значит, домой и не нарадуюсь! Пот со лба ручьем льет, а радости не убывает! Остановлюсь дух перевести и налюбоваться не могу. Солнце у ней по кишочкам легкомысленно так переливается, а дуло – серьезнее, чем у пушки! Это, думаю, тебе не пианина, слезу только давить годное. Это, брат, мне струмент важный отломился!

Вот таким манером волокусь по деревне и рассуждаю. Первым делом, думаю, разучу какой-нибудь марш поторжественнее. От такой музыки и душе радость, и порядку больше! И уж вижу, как выхожу я с утра на двор, становлюсь посреди главнокомандующим, и в трубу свою дую!

Чапай выкатывает грудь и так ловко дирижирует воображаемым парадом, что я уж и сам вижу, как на этом дворе, словно на плацу, выстроилась по ранжиру вся Чапаева скотина. Корова на дойку по стойке «смирно» вытянулась, козы повзводно на луг маршируют, куры, гуси и утки торжественным парадом по двору проходят, а потом взмывают в воздух, строятся звеньями и бреющим полетом движут куда-то на Берлин, качнув на прощанье крыльями в нарисованных звездах... А дед продолжает:

– Ну, парад – не парад, а ведь чем черт не шутит? Вдруг

курам и впрямь с музыкой веселее будет? С маршем то оно, поди, не с руки грядки будет раскапывать – постыдятся? И яйцо пойдет отборное, командирское! В общем, не зря, думаю, пупок надсаживаю.

Доставил я инструмент в хату. Сел, пот утер и рассуждаю – пока бабка моя за козами на луг удрипала, не грех и репетицию проделать. Для начала решил торжественность вхолостую не тратить – набрал атмосферы в одну легкую и дуданул тихонечко. И тут меня холодный пот прошиб. Нет музыки... Еще дунул – пошибче. Шипит труба, как гусак злой – всего-то и музыки вышло.

Стал я рассуждать. Как ни верти, а раз деньги плачены – расшибись, но музыку надо выдуть! Старания, то есть, побольше приложить. Дунул – аж под темечко шибануло! И с этой натуги пошла музыка. Но только с другого конца – которым я на лавку устроился.

Что ж это, думаю, за безобразие? Такую музыку я и без трубы сызмальства выдувал, так, что портки трещали. Да только это искусства не хитрая. Не знаю, как у вас в городе, а у нас в деревне ей каждый обучен.

Дед снова усаживается на чурбак, крутит новую самокрутку, и, хитро скосившись на меня, спрашивает:

– Вот ты бы духом не упал?

И тут же за меня отвечает:

– Упал бы. Тут любой скovyрнется. Но не Чапай! Стал я разным манером в трубу рычать и пищать. Оно, конечно, за-

нятно вышло, да только не по-командирски. С такой музыки куры нестись не станут – легкомыслие одно. Что ты будешь с ней делать! Нет, труба – вещь, безусловно, культурная и в хозяйстве не пропадет. На худой случай, думаю, самогон через нее гнать выучусь, или махорки набью доверху – курить хватит до самого сенокосу. Да только вот музыки-то жалко. Бабка, опять же, если про копейку визнает, всю плешь прост... Тьфу!

И вот таким манером переживаю свою горю, а губ от трубы в задумчивости не отымаю. И, понимаешь, как только плюнул с досады, тут у меня и выскочила музыка! Вот, думаю, какой подвох в искусстве спрятан! И давай тем же манером продолжать.

В общем, бился, бился – марша, конечно, с первого разу не вышло. Но одну ноту командирскую я с нее достал. Слышал, как паровоз на станции матюкается? Ну вот и у меня не хуже получилось. Протя-ажно так, звонко... И так я эту ноту на разные лады отрепетировал, что заслушался сам себя – как божьей росой умылся! И, опять же, если у меня музыка с двух концов выходит, так это, размышляю, уже и целый оркестр организовался?!

А тут уж и бабка моя коз у калитки муштрует. Ох, думаю, надобно порадовать старуху! Чтобы, значит, как зайдет она, сюрпризом из-под двери ей в прям в уши всю силу своей искусства и адресовать! Набрал я воздуха поболее, и как только она в дверь проникла, я ее музыкой и оглушил.

Аж зажмурился с натуги! Хорошо вышло, с настроением. Спервоначально грозно так, навроде как бугай ревет, когда слепни заели. А к концу, как воздух из нутра повышел – какая-то лиричность грустная, будто кобеля поленом зашибли, или поросенка через две улицы колют...

Перевел дух, собой довольный, глаза открыл. Гляжу – все. Точно! Кажись, снесла моя бабка яйцо...

Дед Чапай умолкает, лезет в карман за спичками и долго курит, глядя на огонек своей самокрутки светлыми голубыми глазами. Спрашиваю, стараясь быть серьезным:

– И что?

– Чего – что? – ворчит он недовольно.

– Ну... научились куры по команде нестись?

– А... – Чапай досадливо машет рукой – Что бабка мне досталась – калоша неумытая, что куры у ней без понятиев... Так и подрубила она мне всю музыку на корню. Я ей про искусству объяснять, а она орет громче трубы и слушать меня не хочет. Так и не пустила с трубой больше на порог – веришь?! Я, было, в огороде репетировать начал. Но какая тут музыка, если летом комары, а зимой – колотун? Музыка зритель нужен... Вот и живет мой инструмент под навесом почитай уже год.

– Что ж, так и пропал без пользы?

– Э-эх ты, инкубаторский! – Чапай вздыхает с показной досадой, но в светлых глазах его пляшет самодовольная хитринка. Он встает, переворачивает трубу и ныряет рукой в ее

медное жерло. Кряхтя, достает из него какие-то цветастые тряпицы. Чуть разворачивает и показывает горлышко поллитры с мутной самогонкой, заткнутое пробкой из газетной бумаги.

– Тут не в жисть не найдет! – самодовольно поясняет дед. Он накрывает бутылку пустым бачком с проржавевшим дном и, надсадно кряхтя, волочет трубу из-под навеса.

– Тут, Кирюха, понимаешь какая оказия... Бабы, они народ слабый и нервный. Ухи у них не для командирской музыки. Я кур ведь попробовал все-таки команде военной обучить. Как бабка со двора, я к ним. Пушаются, дуры! Как дуданешь, только перья от них в разные стороны летят! А вот петух – это наш человек! Музыкальный! Настоящий генерал из него от этой музыки воспитался!

Он, как мою игру слышит, сразу голосить начинает – вроде как подпевает, или соревнуется, у кого голос громче. Не веришь? Это ты зря! Ну-ка, пошли! Ну, чего сидишь? Пошли, сам послушаешь!

Чапай, покряхтывая, тянет свою трубу через весь двор из-под навеса к хозяйственным постройкам. Обняв ее за толстое медное горло, исчезает в темном проеме двери курятника. Недовольно квохчет потревоженная на своих насестах птица, которая уже устроилась на ночлег, но через несколько секунд все замолкает. Тихо... Только где-то на другом краю Слободы лениво перелаиваются две собаки.

И вдруг в фиолетово-оранжевых сумерках над деревней

повисает торжествующий вой неведомого зверя с огромной медной глоткой. Несколько секунд кажется, что нет больше на свете никаких других звуков, и быть не может. Но вой трубы медленно идет на убыль, и в его предсмертном бульканье становится различим не менее торжествующий петушиный крик, который перекрикивает общую куриную истерику. Не сговариваясь, вступают в хор все окрестные собаки. И во всей этой какофонии вдруг совершенно отчетливо слышится звон перевернутого в коровнике ведра и пронзительный женский голос:

– Ах ты ж ирод старый! Ох, я т-те щас дудану...

Из курятника выскакивает Чапай, будто окатили его по спине кипятком. Он ухватил в охапку свою непомерную трубу. В светлых глазах – смесь торжества и тревоги. Предваряя любые мои вопросы, он сует трубу мне в руки и тараторит скороговоркой, оглядываясь на коровник:

– Ну, слышал? Петуха-то мово?! Генерал, чисто – генерал! А ты, Кирюха, это... Успокой глупую бабу! Окультурь!

После чего он разворачивается и мгновенно растворяется в сумерках...

Сегодня я со стыдом понял, что в свои 32 года уже не умею делать то, что Чапаю с легкостью дается в его 70 с лишним: искренне и честно радоваться жизни. В любых ее проявлениях. Зачем я здесь поселился? Не знаю. Не мог по-другому. Поначалу успокаивал себя мыслью, что хочу поближе узнать местных жителей и «руководить сражением» изнутри – пря-

мо с «поля боя». Но на самом деле это не так. Просто среди всех больших и маленьких Чапаевых игрушек я сам чувствую себя ребенком. Мне спокойно, как давно нигде не было. Я даже начал писать. Показать кому – стыда не оберешься! В гостинице стоит ноутбук. Думал – разучился вот так – ручкой в тетрадке. Нет. Не разучился. В этом есть какое-то особое удовольствие. Сидеть у открытого окна, дышать темнотой, слушать кузнечиков (или кто там стрекочет в траве?) и, не спеша, писать что-то, не имеющее отношение к выборам, политике. Не врать. Написать что-то не за деньги. Оказывается, и это делать я еще не разучился! Вот это радует».

Глава 5. Когда сволочь считается настоящей?

В 8.45 утра наступившего понедельника Голомёдов, успевший за два дня подхватить на щеки здоровый деревенский загар, решительно постучал в номер к Раздайбедину. Некоторое время спустя, дверь приоткрылась и из нее осторожно высунулась незнакомая верблюжья физиономия с печатью перманентного похмелья. Объемные губы шевелились, словно что-то постоянно пережевывая. Глаза навывкате казались еще больше из-за роговых очков. Кудлатая седая шевелюра, переходящая в пушистые бакенбарды, придавала обладателю физиономии почти законченное сходство с кораблем пустыни.

– Вы кто? – спросил Кирилл удивленно. Ответа не последовало. На физиономии застыло самодовольно-туповатая верблюжья отрешенность. Кирилл вдруг безошибочно догадался, что эту физиономию не раз били, причем зачастую – вполне заслуженно.

Не дождавшись ответа, Голомёдов молча отодвинул человека в сторону и вошел в номер. На столе грудой лежали неопровержимые доказательства бурного застолья и аморального поведения участников банкета: пустые бутылки, окурки в банках из-под кильки и селедочный хвост на замас-

ленной газете. Василий же, являя собой не менее красноречивую улику, спал, свернувшись калачиком на ковре у балкона, и счастливо улыбался во сне.

– Подъем! – скомандовал Голомёдов.

– ...И молния небесная, неприятеля поражающая, как ни слаба была, но уже заметна... – сообщил Василий, сладко причмокивая губами.

Голомёдов встряхнул его за плечо. Василий открыл глаза и посмотрел на него с осуждением:

– Я занят!

– Чем?!

– Я созерцаю непокоренные российские редуты.

– Пока ты созерцал непокоренные редуты, у тебя тут кто-то завелся, – сообщил ему Кирилл. Василий сел и потянулся, хрустнув позвоночником.

– Это не кто-то. Это местный краевед-рационализатор. Я с ним в милиции познакомился.

Обладатель верблюжьей физиономии важно кивнул из угла и прошлепал толстыми губами:

– Пилюгин. Николай Николаевич.

– Ты уже и в милиции успел отметитья? – поинтересовался Голомёдов, не обращая внимания на краеведа.

– А, неважно, – отмахнулся Василий и зевнул. – Интересные вещи рассказывает. Правда, бред полнейший. Но убедительно.

Человек-верблюд обиженно засопел.

– И что же интересного он рассказывает?

– Во-первых, он нашел тебе генерала. Героя войны 12-го года. Из местных. Во-вторых, имеет обширный исторический и лингвистический материал по интересующей нас теме. В-третьих, настоящий патриот. Убежденный! – Василий понизил голос и шепнул – Из тех, которые не столько хотят умереть за идею, сколько готовы за нее убить.

Кирилл, наконец, повернулся в сторону краеведа. Это был человек небольшого роста, одетый, не смотря на запоздалую августовскую жару, в лохматый серый свитер, украшенный крошками на груди и заплатками – на локтях.

– Что же, любезный! Выкладывайте все по порядку.

– Заговор! – немедленно сказал краевед тягучим баритоном и недобро посмотрел на Кирилла из-под массивных очков. Голомёдов удивлено вскинул брови и облокотился на край стола, готовясь слушать.

– Заговор! С целью подрубить наши корни. Переписать историю, низвести нас до положения скотов и сделать своими рабами.

– И кто же, позвольте узнать, так злобно покушается?

– Вот в том-то и вопрос! – воскликнул Пилюгин и начал мерить комнату дромадерскими шагами. – Точнее, главный вопрос не в этом. Главный вопрос в том, как? Понимаете?

– Нет! – честно признался Голомёдов.

– Вы – жертва привитых догм и стереотипов! – безапелляционно заявил Пилюгин. – Впрочем, это неудивитель-

но. Они поработили систему образования, печать, телевидение. Простой пример. Вы знаете, что обозначает слово «сволочь»?

– Догадываюсь.

– А вот и нет! Лично я – сволочь. И очень этим горжусь!

– Что-то в этом духе я и предполагал, – вздохнул Кирилл и отвернулся к окну. Василий остановил его жестом.

– Выпей, Николаич, – сказал он краеведу. – Выпей, и не горячись. Ты ближе к делу.

Пилюгин остановился у стола, налил себе в стакан водки, выпил, обиженно чмокая губами, и продолжил:

– На самом деле, слово «сволочи» – именно так, во множественном числе – появилось здесь, в Славине. Вместе с возникновением первых славянских поселений на Беспуте. Вы же, надеюсь, понимаете, что Славин – колыбель славянских народов? Иначе откуда бы взялось такое название?

Кирилл неопределенно хмыкнул и Пилюгин уверенно продолжил

– Одним словом, сволочи появились очень давно. Задолго до Крещения Руси или даже до татаров...

– С тем, что сволочи появились давно, пожалуй, согласшусь. А вот насчет второй части утверждения – хочу заметить, что татары пришли на Русь после крещения, – усмехнулся Голомёдов, но краевед Пилюгин резко его оборвал:

– Неважно! Может, и не было никаких татаров вовсе. Это мы обсудим потом. Сейчас – про «сволочей». Так вот, по-

явился Славин. Вокруг – Славинская волость. Она оформилась в сознании людей, как административная единица. Жители этой волости, коренные славяне, всегда славились гостеприимством, хлебосольством, трудолюбием, отвагой. Соседи восхищались ими, и, завидев такого человека, всегда уважительно поясняли: «С волости».

Кирилл удивленно посмотрел на Василия. Тот хитро подмигнул.

– Люди «с волости» были в сознании соседей кем-то особенным, – убежденно выплевывал свои тезисы Пилюгин. – Немножко «сверх-людьми». А иначе, согласитесь, это слово не пережило бы века. Постепенно – из удобства произношения – «с волости» превратилось в «сволочи». А в единственном числе – «сволочь». Позже сволочами стали называть всех уважаемых и заслуженных людей, но изначально – только жителей Славина и его окрестностей.

– А как же, к примеру, Даль и его словарь?

– Да вы посмотрите, что делает этот, с позволения сказать, Даль! В своем псевдо-словаре «великорусского» языка он, пользуясь сходством звучания, пишет: «Сволочь – все, что сволочено или сволоклось в одно место». Трава, мусор, прочая дрянь. А в переносном значении – это и дрянной люд. Воры и негодяи, где-либо сошедшиеся. Вы представляете размах клеветы? Так извратить понятие! Буквально вывернуть смысл наизнанку! И вам еще нужны доказательства заговора?

– Скажите, а ваши мысли подтверждаются какими-либо другими источниками, научными изысканиями? – полюбопытствовал Голомёдов.

– Да какие тут могут быть сомнения?!

– Ну, к примеру, почему речь идет именно о Славинской волости, а не о любой другой?

– Буква «С»! Понимаете? Славяне, еще не испорченные всеми этими иностранными выкрутасами, интуитивно прятали во все слова своего языка великие смыслы. Словно предчувствуя беду, они оставляли нам, потомкам, своеобразную шифровку. С – это Славин. Волость – это территория, примыкающая к Славину. Понимаете? Сволочь – славный человек из славного города. Это же элементарно! Но нет! Мы, жертвы оболванивания и промывания мозгов, не можем разгадать даже такой простой ребус! Меж тем, наш язык – очень мудр. В нем можно найти ключи буквально ко всем тайнам. Только для этого нужно обладать особым зрением. Чутьем, интуицией, даром, если хотите! Этот дар у меня есть!

– Я начинаю понимать ход вашей мысли. Если б речь шла о Новгороде или Твери, то в языке остались бы слова «Нволочи» и «Тволочи»...

– Да-да! Все верно! Кстати, Тверь раньше называлась «Тварь». И жили в ней твари – сотворенные Богом, избранные люди. Но для того, чтобы скрыть Богоизбранность русского народа, древний город Тварь переименовали в Тверь.

Что значит это ваше глупое «Тверь»? Да ничего! А слово «тварь» стало ругательным. Так же как и мат – тамбуированная лексика...

– Табуированная. – поправил Кирилл.

– Во-во! Раньше слова, которые сегодня называют матерными, были почти священными и разрешались к употреблению лишь самым достойным, доказавшим на это право. Сегодня они – самые грязные ругательства. Тот же переворот с ног на голову произошел и с нами, сволочами, жителями Славина. Теперь это слово – ругательное!

– Однако! – качнул головой Кирилл.

– Нет! Вы послушайте! – перебил краевед Пилюгин, который оседлал любимого конька. – Послушайте, что эти псевдо-историки и всевро-лингвисты сделали с нашим краем! Знаете, почему наша река называлась Беспутой?

– Предположу, что за характерные извилистые очертания своего русла... За отсутствие прямого пути.

– Вот! Вот они результаты современного «просвещения»! Это вы – беспутный, потому что идете по ошибочному пути, навязанному вам этими захватчиками! Но всех им не оболванить, всем мозги не промоешь! Беспута – это река, на которой жили люди, презиравшие путы, оковы. Вольные и свободолюбивые славяне. Слава – без пут. Славин на Беспуте. Ведь это же очевидно! Это и хотят скрыть псевдо-историки!

– А вы, простите, какие университеты оканчивали?

– Я – инженер. – Пилюгин остановился и ударил себя

по хлипкой груди, вызвав град из хлебных крошек. – Инженер-рационализатор. Между прочим, имею зарегистрированные патенты! И если бы на пути моих разработок не встали завистники... Если бы мои открытия были внедрены, мое имя гремело бы на весь мир! Я уверен, оно еще прозвучит...

– О, я не смею оспаривать ваш авторитет. Но история...

– Да поймите же вы, зомбированный! То, чему учат на факультетах истории – это чистейшей воды клевета! Классическое образование гораздо вреднее, чем его полное отсутствие! Для того чтобы сбросить шоры с глаз, нужно иметь нестандартное мышление. Если хотите, рационализаторское. Над Эйнштейном тоже сначала смеялись, Джордано Бруно и вовсе сожгли. Только за то, что эти ученые не соглашались признавать догмы и слепо верить средневековому мракобесию! Сожгли, такие, как вы!

Пилюгин свирепо нацелил на Голомёдова очки, и сжал сухие кулачки, явно готовясь отомстить за невинно убиенного инквизицией Джордано Бруно. Но Василий, вовремя открыв банку пива, отвлек его внимание:

– Николаич... Ты не кипятись. Ты нам лучше про генерала расскажи.

– О! Какой это был человек! Лев Аристархович Бубнеев. Герой войны! Почти полвека в армии. Орденоносец. Владелец именного оружия! Фаворит самого императора. Конечно, после того, как веками переписывалась наша история, подробности трудно было восстановить. Но лично я убеж-

ден, что в имение генерала Бубнеева неоднократно приезжали его друзья – адмиралы Нахимов и Лазарев. Если хотите, мне подсказывает это интуиция.

– Да, собственно, в этом нет ничего неожиданного, – согласился Кирилл. – Думаю, факт визита доказывается самим наличием водного пути к Славину. Река есть? Есть. Адмиралы тоже. Вода создана для адмиралов, адмиралы – для воды. Они просто обязаны были приплыть сюда.

– Да, вы меня начинаете понимать! – от радости Пилюгин пришлепнул нижней губой. – Какой был человек! Лишним доказательством заслуг генерала Бубнеева лично для меня является факт их упорного замалчивания. В этом и состоит заговор. Очернить наши самые светлые страницы. А потому чем хуже эти псевдо-историки отзываются о человеке, тем лучше мое мнение о нем. Ведь даже его могилу сровняли с землей. Думаете, случайно? Нет! Все это потому, что генерал Лев Аристархович Бубнеев подлинный сын Славинской земли. Он – настоящая сволочь!

Голомёдов вопросительно взглянул на Василия. Тот поиграл бровями и утвердительно кивнул головой.

* * *

– Какой полет мысли! Я завидую! – засмеялся Голомёдов, выйдя из гостиницы и направляясь к городскому Парламенту. – Генерал-то хоть был, или ты все шуточки шутишь?

– Нет. Я серьезен, сосредоточен и холоден как атомный ледокол «Снежинка» перед арктическим походом. Генерал и в самом деле был. Только хреновый он генерал, а точнее – липовый. В самом начале войны оказался у французов. Не то попал в плен, не то сам сдался. Отсиделся до конца войны. Вернулся в Россию. Генералом стал, шаркая по паркету бальных залов. Кроме того, родился он в Подмоскowie, а в Славине – только портил печень дешевым вином и благополучно проигрывал в карты остатки состояния. Словом, настоящая сволочь – в этом краевед не ошибся. Только других нет. Я проверял.

– А чем этот плох? Настоящая находка! Ведь генерал? Да! В войне участие принимал? Принимал. В Славине был? Был. Что еще нужно? Кто придерется? Крутим легенду. Только настораживает меня чем-то этот твой краевед-рационализатор. Волк в овечьей шкуре...

– Не пугайся. Это не волк. Скорее, баран. Самое полезное в нем то, что он «на раз» объясняет все неувязки и нестыковки, над которыми при другом раскладе пришлось бы ломать головы нам с тобой.

– Баран в овечьей шкуре – страшная скотина. Я бы, пожалуй, предпочел иметь дело с волком.

– Ничего. Будет служить на благо, если применять дозировано. Чем абсурднее идея, тем быстрее в нее верят. «Природа не терпит пустоты: там, где люди не знают правды, они заполняют пробелы домыслом». Это не я. Это Бернارد Шоу.

– Там, где люди знают правду, но не имеют домыслов, они изгоняют первое, чтобы освободить место для второго. Это не Бернард Шоу. Это я. Запиши. Пригодится.

– Да уж... – почему-то грустно вздохнул Василий. – Только знаешь, иногда моя работа перестает меня забавлять.

– Да? И какая муза тебя укусила на этот раз? – Голомёдов взглянул на Василия саркастически.

– Со мной тут произошло кое-что. В общем-то, это не так важно. Но мне стало их жалко.

– Кого это «их»?

– Ну, всех их... Избирателей. Людей. Тех, которые честно живут, но бесследно уходят в никуда, потому что в истории их заслоняют дутые персонажи, вроде этого вот генерала или нашего Харитоши.

– Как можно жалеть серую массу? Эти люди искренне верят в то, что можно из нескольких сотен проходимцев создать честное правительство! Отнимать столь наивно-святую веру – преступление!

Неожиданно заскрипели тормоза, и у обочины резко остановился милицейский УАЗ. Из открывшейся дверцы выскочил коренастый сержант с бульдозерной челюстью. Голомёдов вздрогнул от неожиданности, но милиционер, вытянувшись по стойке «смирно», приложил руку к козырьку и счастливо пролаял, обращаясь к Раздайбедину:

– Здра-желай-таарщ-капитан!

Василий молча кивнул и пошел дальше. Сержант постоял

немного и, не отнимая руки от козырька, засеменял вслед.

– Подвезти?

– Нет. Спасибо. Вы свободны. Служите и защищайте. – грустно сказал Василий вполоборота. Сержант постоял немного со счастливой улыбкой на лице, потом развернулся, и пошел к машине, так и не отняв руку от козырька.

– А ты, гляжу, времени зря не терял! – восхищенно при- свистнул Кирилл, нагоняя коллегу.

– Да уж, не терял. Хочешь еще одну новость? Попробуй догадаться, какую фамилию носит дядя Пёдыр?

– Этот сторож из клуба? – Голомёдов остановился и наморщил лоб. – Ну, просвети...

– Болдырев. Пэ Болдырев. Так же, как и этот «мистер икс» из нашего списка кандидатов. Уловил мысль? Предполагаешь, на что согласен дядя Пёдыр за бутылку?

– Кандидат-клон? А что, из дяди Пёдыра неплохое пугало выйдет! Годится в провокаторы. Молодец, Вася! Ох, и закрутим мы с тобой дела!

И дела закрутилось немедленно по прибытии в городскую Думу.

Глава 6. Слава Ежам!

Славинский Вестник, № 45 (327)
в рубрике «Событие недели»
(очерчено красным маркером)

«Герой вернулся на родину...

*Под Славиным найдено захоронение героя
Отечественной войны 1812 года генерал-майора
Льва Бубнеева*

О нашем земляке, Льве Аристарховиче Бубнееве мы, к сожалению, знаем немного. Смена общественных формаций и попытки перекроить историю, к сожалению, сделали свое дело. Но небывалое мужество этого патриота и его беззаветная любовь к Отчизне оказались прочнее времени! Известно, что почти полвека (!) этот человек посвятил армии. Прославил себя на полях сражений за Отчизну, за что получил орден святой Анны второй степени и наградное оружие из рук императора. Судя по крупицам, которые удалось восстановить нашим краоведам из пепла истории, генерал Бубнеев был дружен с адмиралами Нахимовым и Лазаревым, которые неоднократно навещали своего боевого товарища в его имени. Свои дни герой и патриот окончил в Славине. К сожалению, до недавнего

времени точное место его захоронения установить не удавалось. Однако благодаря изысканиям историко-культурного общественного движения «Отчизны славные сыны», которое возглавил председатель Славинской городской Думы Харитон Ильич Зозуля, историческая справедливость восторжествовала.

– Мы определили район поисков по архивным документам. – пояснил нашему корреспонденту энтузиаст движения, краевед Николай Пилюгин. – Вблизи микрорайона Промышленный Тупик (бывш. Беспутная Слобода) до революции находилось Торцовское кладбище. Здесь мы и вели нашу поисковую работу.

Во многом краоведам помогла случайность. Захоронение было обнаружено при проведении хозяйственных работ вблизи местного Дома культуры. Но отнюдь не случайны внимание и забота, с которым историки отнеслись к неизвестному захоронению. Тем более символичен тот факт, что могила генерала обнаружена в канун очередной годовщины Бородинского сражения.

В рубрике «Весточки» (очерчено зеленым маркером)

...Приглашаем всех желающих на пивной фестиваль! В программе – выступление лучших танцевальных коллективов города, парад-бикини, шоу мокрых маек, бесплатная дегустация новых сортов пива. Фестиваль проводится по инициативе и при

поддержке Вячеслава Дрисвятова

Ньютоново яблоко (альманах) (очерчено красным маркером)

Мы Отечество не выбираем, потому что Отечество в нас...

«Так как стала все более заметной постепенная утрата нашим обществом традиционного российского патриотического сознания, то в общественном сознании получили широкое распространение эгоизм, равнодушие, цинизм, проявляется устойчивая тенденция падения престижа военной и государственной служб. В этой ситуации необходима систематическая и целенаправленная деятельность по формированию высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству» – говорится в докладе Х.И.Зозули, представленном на научно-практической конференции, посвященной годовщине Бородинской битвы»

Газета «Конкретно!» (рубрика «Актуально!») (очерчено красным маркером)

Славным традициям славного города – слава!

«...Знаковое событие для нашего города в минувшую пятницу на центральной площади Славина состоялось! Митинг на центральной площади, организованный ИКОД «Отчизны славные сыны» в память о героях войны 1812 года, собрал на площадь все прогрессивное население Славина!

– *Еще Уитмен сказал: «Всеобщий закон – закон законов – это закон преемственности, ибо что такое, в конечном счете, настоящее, как не росток прошлого?»* – сказал собравшимся руководитель ИКОД Харитон Зозуля. – *Только вместе мы возродим славные традиции нашего славного города!»*

Промышленный активист, № 9 (очерчено красным маркером)

Осознать себя – это важно!

«...Победное окончание войны имело для России важное, и не только историческое значение. Значение этой победы состояло в том, что она способствовала росту национального самосознания. Россия оказалась единственной страной в Европе, способной нанести Наполеону сокрушительный удар. Тот же сокрушительный удар мы должны нанести сегодня коррупции, общественной пассивности, гражданской апатии. Пробудить самосознание – наша первейшая задача! – убежден кандидат на пост мэра Х. Зозуля».

Словеса (издание Славинского Университета)

По патриотизму – зачет! (очерчено красным маркером)

... По словам, организатора данного мероприятия, председателя движения «Отчизны славные сыны» Харитона Зозули, основная цель подобных митингов – патриотическое воспитание жителей города.

Один из участников данного митинга, студент-историк Александр Бружной сообщил нам, что уже направил ректору Славинского Госуниверситета официальное письмо. В данном письме он призвал ректора ввести в СГУ курс патриотического воспитания российской молодежи. По словам Александра Бружного, в данный момент его предложение рассматривается руководством данного вуза.

Блок Октябрины Хохловцевой (итоги августа) (очерчено синим маркером)

... Выборы мэра Славина могут окончиться крахом системы местного самоуправления. Об этом заявила на пресс-конференции депутат Славинской городской Думы Октябрина Хохловцева. «Мы все знаем, как избирались депутаты городской Думы. Кандидаты-бизнесмены даже не ходили на встречи с избирателями. Действовала четко разработанная система подкупа: в каждом округе всегда есть 4–5 тысяч человек из социально неблагополучных слоев населения, которые за 100–200 рублей проголосуют так, как им скажут. Мнение славинцев больше никому не нужно, и местное самоуправление вскоре прикажет долго жить».

Сегодня в мэры идет председатель городской Думы Харитон Зозуля. Он готов скупать голоса уже по всему городу. Почему это делается? В Славине еще есть собственность, которую можно присвоить, и большое чиновничество не хочет выпустить эти лакомые куски

из рук. Так работает наша система. Если этому не противостоять, то мы так и не сможем улучшить наше самоуправление».

Правдоруб (газета без выходных данных)
(очерчено желтым маркером)

... Я – за честность! Ваш П. Болдырев

Честность – вот чего нам не хватает. Мы погрязли в паутине ханжества и навязанной лживой морали. К строительству своей политической платформы я подхожу с максимальной честностью. И как честный человек, я заявляю: бесплатная медицина – давно уже миф. Бесплатно сегодня вас даже в морг не доставят. Да, я вынужден «давать на лапу» врачам. Так же, как и вы. Это унижает и вас, и врачей. По моему глубокому убеждению – взятки медикам нужно узаконить. С одной стороны это снимет тяжкое ярмо с шеи муниципального бюджета. С другой – несомненно, повысит престиж профессии, а с ним – квалификацию персонала. Ведь когда зарплата медика – дело рук самого медика, он максимально заинтересован делать свою работу хорошо, чтобы клиент не ушел к другому врачу.

Это, наконец, очистит наши больницы от толп «вечно больных» пенсионеров, которые ходят в поликлинику как в клуб по интересам. Не из-за болезни, а просто поболтать, пожаловаться врачам. На деле же они только создают очереди и крадут время медицинского персонала. Если они

желают делать это – пусть платят. Я уважаю старость. Но требую и взаимного уважения к себе. Проблемы дефицита общения стариков нужно решать специализированными учреждениями. Строить дома престарелых и организовывать кружки хорового пения. С уважением. Ваш П. Болдырев.

Просмотрев газеты, Голомёдов сложил их в стопку и прихлопнул сверху рукой:

– Что ж... Неплохо!

Зинаида Леонидовна издала из угла невнятное «о-х-х-э-э-э», поправила причёску пальцами со следами маркеров всех цветов, улыбнулась и начала дышать.

– Подведем промежуточные итоги. – Кирилл бросил на гражданку Тушко недобрый взгляд. – Засветка с генералом пошла «на ура», заказные СМИшилки в целом сработали хорошо, хотя джинсы можно было бы и побольше. Пехота топчет город, АПМ распространяются без срывов. Но есть и серьезные залеты. Начнем с вас, уважаемая Зионида Ленаидовна.

– Леонидовна... – затравленно шепнула гражданка Тушко и снова перестала дышать.

– Во-первых, что за ИКОД? Вы хотите, чтобы наш кандидат вызывал у избирателей нервную икоту? Неужели трудно хоть изредка включать мозги, когда бездари-журналисты вам присылают публикации на утверждение?

– Это, та-скать, сокращение. Длинно получается «иск-

торико-культурное общественное движение». А мы ведь за площадь платим. Та-скать, экономия бюджетных...

– Хватит! Про экономию я от вас каждый день слышу! Дозэкономились до воздушной тревоги! Работу нужно делать хорошо, или не делать ее вообще! Я не могу писать за журналистов каждую публикацию, и не могу просматривать их творчество за вас!

– Я... Я больше не бу...

– «Не бу»... Еще как «бу...»! Вот ваш список предложений по мероприятиям на следующую неделю. Давайте читать вместе. Веселые старты «Мои года – мое богатство». Что это?

– Вы же сами просили... Составить, та-скать, предложения по вовлечению в работу пенсионеров... Вот – предложения. Харитон Ильич мог бы выступить с речью. Та-скать, наградить самых активных пожилых спортсменов.

– Бег в мешке за валерьянкой? Гонки на инвалидных колясках? Фехтование на костылях? Вы издеваетесь или всерьез?

Зинаида Леонидовна положила пухлую ручку на левую грудь и горестно подняла нарисованные брови.

– Идем дальше! – беспощадно продолжил Голомёдов. – Торжественные линейки в школах, посвященные открытию месячников; встреча учащихся с ветеранами «Подвиг твой бессмертен!»; праздничный концерт: «У войны не женское лицо»; праздники первоклассников «Мы теперь не просто

дети, мы теперь совет друзей!» и смотр по силовой подготовке «Если ты мужчина». Что это?!

– Это, та-скать, в преддверье 1 сентября. Программа патриотического воспитания школьников. Харитон Ильич мог бы...

– Да, он мог бы! Но смогут ли первоклассники на смотре силовой подготовки стать мужчинами?! Что за названия? Вы хотите приветствовать живых ветеранов эпитафией с могилы неизвестного солдата? Переделать!

Зинаида Леонидовна с готовностью что-то черкнула в блокноте.

– «В патриотическом и гражданском воспитании заложен мощный и эффективный потенциал для воспитания личности, которая будет способна креативно мыслить, творить и сострадать», – прочел Кирилл.

– Это обоснование, та-скать, всей воспитательной программы. Можно и в газетах разместить...

– Разместите в тот день, когда объясните мне, как можно креативно сострадать! Дальше. Акция «Я здесь живу и потому за всё в ответе».

– Работа во дворах, конкурсы между жителями многоэтажек. Самый, та-скать, широкий охват. Общегородской конкурс на самую благоустроенную клумбу. Возрождение субботников.

– И Харитон Ильич с агитационным бревном на плече. Все это, конечно, хорошо. Но название! Вам самой нравит-

ся?

Зинаида Леонидовна собралась шумно вздохнуть, но в этот момент дверь с треском распахнулась, и в кабинет пресс-службы влетел Харитон Ильич. Он был растрепан, бледные губы под встопорщенными усами испуганно тряслись.

– Все! – в отчаянии воскликнул он. – Доигрались, ядерен-батон!

Кирилл поднялся навстречу Зозуле, заботливо взял его под локоть и усадил в кресло.

– Успокойтесь, Харитион Ильич. Возьмите себя в руки. Что случилось?

– Вот! – Харитон Ильич бросил на стол бумагу. – Вот! Мне угрожают. Меня хотят убрать. Я знал, что все эти ваши штучки до добра не доведут.

Кирилл взял бумагу и расправил ее на столе. На белом листке были ровно наклеены буквы, аккуратно вырезанные из газеты.

– **«морГ дорос до степи СЛАВа ежам»** – прочел Кирилл.

– Подбросили! Утром! На стол! В закрытый кабинет! Морг, ежи – это выше моих сил! – проблеял Харитон Ильич и в изнеможении откинулся на спинку кресла.

– Какие-то знакомые шрифты... Не могу вспомнить, в какой газете их видел... – пробормотал Кирилл, внимательно изучая вырезанные буквы. Василий глядел на анонимку с

полным безразличием. Зинаида Леонидовна затравлено попыталась втянуть голову в плечи, но выполнить это акробатическое упражнение ей помешали щеки, пышущие жаром, и каскад подбородков.

– Успокойтесь! Полная бессмыслица. Где тут угрозы? – уверенно сказал Кирилл, откладывая анонимку в сторону. – Чья-то глупая шутка. Расследование обстоятельств беру на себя.

Уверенный тон немного успокоил Харитона Ильича. Но ему вдруг стало обидно за то, как мало внимания его персоне выказал в столь серьезной опасности предвыборный штаб. В глубине души Харитону Ильичу хотелось бы услышать ахи и вздохи верных подчиненных, быть может, даже увидеть обморок какой-нибудь особо чувствительной сотрудницы аппарата. На фоне такой суеты и беспомощности он, Харитон Зозуля, на чью жизнь покушаются неизвестные злоумышленники, выглядел бы внушительно и значимо, как адмирал, который ведет свое судно сквозь льды, бури и штормы, наперекор стихии. А потому он не знал, чего ему хочется больше – видеть в письме чью-то глупую шутку или серьезную угрозу. Оказавшись на распутье, Харитон Ильич закапризничал:

– Не хочу больше ходить на ваши дурацкие митинги! Уберите от меня этих телевизионщиков с их глупыми вопросами!

– Вот об этом мы с вами и поговорим! Зинаида Леонидовна! Прошу вас приступить к работе. Не забываем про

ежедневный мониторинг СМИ, – сухо заявил Кирилл и указал глазами на дверь. Гражданка Тушко, надсадно пыхтя, извлекла свое тело из угла и вышла, бросив недобрый взгляд на Василия и Кирилла. Тем временем Голомёдов открыл ноутбук и запустил видеофайл.

– Это запись вашего выступления на вчерашнем митинге и интервью СМИ, – подчеркнуто холодно сказал Кирилл. Харитон Ильич придвинулся поближе к монитору и увидел себя, взбирающимся на трибуну. Внизу колыхалась жиденькая толпа тех, кому по долгу службы положено блюсти памятные даты. Функционеров разбавляли студенты, привезенные на автобусе. Харитон Ильич на экране откашлялся в микрофон, и чахлый оркестр тут же захлебнулся.

– Дорогие, эм-м-м... земляки!

Повисла долгая пауза, которую Харитон Ильич заполнял, шурша листком с речью и шмыгая носом.

– Дорогие, значит, земляки! Мне отрадно видеть здесь молодых и пожилых. Вместе, значит.

Скосив глаза в шпаргалку, Харитон Ильич не нашел нужного текста, а потому прочитал первый попавшийся абзац.

– Наполеон сказал о Бородинском сражении: «Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвой. Французы в нём показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми».

Оторвав взгляд от шпаргалки, Харитон Ильич счел своим долгом пояснить текст своими словами:

– Это когда французская армия под председательством Наполеона, значит...

Раздались жидкие хлопки. Ободренный ими, Харитон Ильич сложил шпаргалку вчетверо и взмахнул ею над головой.

– И мы вместе с нашими предками, ядрен-батон, должны это самое!

На этом месте пламенный оратор неожиданно стушевался. В голове ни к селу, ни к городу завертелось: «Смело мы в бой пойдем за власть Советов, и как один умрем в борьбе за это!» Он торопливо развернул бумажку, и снова невпопад прочитал.

– Дорогие ветераны и труженики тела!

На заднем плане из толпы раздался чей-то смешок, но тут же смолк, будто прерванный пулей. Камера дрогнула но тут же вернулась к трибуне. Харитон Ильич в кадре занервничал еще больше.

– Вы все вместе видите, как с каждым днем увеличивается патриотизм. Растет, это самое... спорт. И мы отказываемся от спиртного. Боремся, значит, с вредными привычками.

Скосив глаза в шпаргалку, Харитон Ильич продолжил:

– У нашего славного города славные традиции. Но мы должны многое сделать для возрождения и становления духовности и культурности нашего народа. Дадим пример нашим соседям. Пусть Славин будет площадкой для экскрементов...

Камера снова дрогнула, смешок в толпе раздался более отчетливо, но снова смолк. Харитон Ильич, близоруко щурясь, поднес шпиргалку к самому носу и, собрав волю в кулак, закончил:

– Э-кыс-пе-ри-ментов... по воспитанию, значит, нового поколения в духе, значит, патриотизма. Я, товарищи, кончил!

Оркестр вразнобой заквакал марш, и Харитон Ильич, утирая пот, спустился с трибуны.

Камера сменила план. Харитон Ильич, недовольно щурясь, стоял на фоне здания городской Думы. За правым плечом развивался флаг Славина.

– Ну, как я? Ничего, ядрен-батон? – поинтересовался Харитон Ильич и смущенно кашлянул.

– Отлично выглядите! – воскликнул бодрый голос журналиста за кадром.

– А мне сюда смотреть? – Харитон Ильич перевел взгляд на камеру.

– Нет-нет, общаетесь с корреспондентом! – ответил все тот же голос.

– Понятно... – обреченно сказал Харитон Ильич, отвел глаза от камеры и потянул руку к микрофону.

– Нет-нет! Микрофон пусть держит журналист.

– Понятно. – снова сказал Харитон Ильич, и, не зная, куда пристроить руки, принялся теребить полы пиджака.

– Работаем! – Воскликнул голос за кадром и протарато-

рил:

– Ваше сегодняшнее выступление как-то связано с началом предвыборной кампании?

Харитон Ильич испуганно отвел глаза, поискал ими кого-то, стоящего за камерой, не нашел, откашлялся, помолчал, еще раз откашлялся и замямлил:

– Я это... Вообще-то к другому готовился. Я про патриотизм... Можно?

– Можно! – милостиво согласился голос за кадром.

– У нашего славного города славные традиции. Но мы должны многое сделать для возрождения и становления духовности и культурности нашего народа... Вместе. Да, вместе. Ведь что? Ведь когда недоверие с друг другом – это плохо. Когда доверие с друг другом – это хорошо. Это, значит, здорово... Ну... Ну, все. Вы там сами вырежете что-нибудь?

– Последний вопрос! Как кандидат на пост мэра, в чем вы видите залог благополучия Славина и его жителей?

– Благополучие? – Харитон Ильич болезненно наморщился. – Ну, благополучие, это когда живет человек. У него, так скажем, квартира. В квартире, это самое... холодильник. В холодильнике – одежда. В общем, все путем у человека. Все! Хватит!

Экран погас. Кирилл строго посмотрел на Харитона Ильича. Тот насуплено молчал.

– У нас нет времени на сглаживание острых углов, – наконец, прервал паузу Голомёдов. – Поэтому я буду говорить

прямо, без обиняков. Считается, что первый блин выходит комом. Но даже для первого блина ваше выступление было ужасным.

Харитон Ильич, взрастивший свое самолюбие на плодотворной почве неприкрытой лести, от удивления открыл рот.

– Конечно, агитаторы на улицах говорят о вас самое лестное, – сурово продолжил Кирилл, не обращая внимания на недовольное хмыканье Зозули. – Газеты у нас под контролем. Они напишут то, что мы им продиктуем, поскольку работают за наши деньги. Но на телевидении и – самое главное – на публичных выступлениях мы вас заменить не можем. А потому – ряд рекомендаций. Во-первых, труженики тела – не наша целевая аудитория. Нас интересуют труженики тыла. Во-вторых, отныне любую написанную речь вы не должны зубурить наизусть. Вы будете оценивать ее лишь как набор фактов и тезисов, которые вам нужно излагать простыми словами. Без бумажки.

– Как это?

– Своим языком. Так же, как говорите со мной, коллегами, с женой, в конце концов. Убираем из речи все эти «значит» и «ядрен-батон». Перестаем кашлять и сморкаться в микрофон. Ведь вы же не первый год на публике! Вы ведете заседания Думы без бумажки!

– Там протокол есть... – скис Харитон Ильич.

– Что, готовый протокол заседания? – Удивился Кирилл. – Еще до того, как оно состоялось?

– Ну, да. А какие могут быть неожиданности?

– Отставить протокол. Неожиданности могут и будут случаться. И вам нужно быть к ним готовым. Пока все вопросы, касающиеся вашей предвыборной кампании, оставляете без ответа. Сейчас вы, прежде всего, не кандидат. Вы – патриот. Человек дела. Вы говорите, потому что не можете молчать, и действуете, потому что не можете бездействовать. Вы идете впереди большого движения. Вы хотите дать людям не буханку хлеба, и не горячую воду и даже не новые дороги. Вы дарите им нечто большее. Самоуважение. Вы пробуждаете в них давно забытую гордость за себя, за свой город, свою историю. Вы заставляете их оторваться от серости быта, сплотиться, чтобы вместе – единым порывом.

– Что – единым порывом?

– Да не важно! Главное – вместе, и единым порывом. Ваша задача – всколыхнуть это болото. Разбудить гражданскую совесть. А потому в первую очередь вы не кандидат, а патриот. Кресло мэра – лишь средство достичь вашей общей с народом цели. Ясно?

– Ясно. А что говорить-то, когда спрашивают, ядрен-ба-тон?

– Запомните фразы: «Прежде чем ответить на ваш вопрос, хочу отметить, что...». И далее впариваете все то, что хотите сказать, вне зависимости от того, имеет это отношение к вопросу, или нет. Обычно журналисты тушуются, и не повторяют свой вопрос дважды. Но если попадетсся на-

стырный, отвечаете: «Я понял ваш вопрос. И, как я говорил ранее...» И снова терпеливо пересказываете свою речь, но уже другими словами. Практика показывает, что в третий раз задать один и тот же вопрос из десяти журналистов отважится едва ли один. На этот случай запомните фразу: «Этот вопрос уже звучал, прошу вас быть внимательнее! Гораздо важнее, что...» И снова выходите на нужные тезисы. После этого извиняетесь и, ссылаясь на неотложные дела, неспешно, с достоинством удаляетесь. После вашего ухода у журналистов остается впечатление энергично проведенной пресс-конференции, запоминается ваш уверенный тон, складывается мнение о том, что вы без запинки готовы ответить на любой самый сложный вопрос. А самое главное – что вы гораздо умнее их.

– А можно мне это самое... Вот эти фразы. В смысле, записать? Я потренируюсь.

– Да, конечно! Теперь поговорим о памятнике.

Харитон Ильич вздохнул так горестно, как только может вздыхать очень жадный человек, у которого просят крупную безвозмездную ссуду.

– А что, нужен он, все-таки?

– Конечно, нужен! Вы поймите, что памятник генералу, герою войны – это главнейший символ вашей работы. Наглядное свидетельство того, что вы произносите не пустые слова, а готовы на решительное дело! Интеллигенция и культурное сообщество возбудится от возможности обсудить но-

вое монументальное творение. Пенсионеры придут в умиление от вашей заботы по давно ушедшим и увидят в этом добрые предзнаменования для себя. Учителя и школьники будут ходить к нему на экскурсии и состязаться в исторических викторинах. Военные и силовики будут посменно возлагать к ногам бронзового героя венки, поскольку тоже считают его своим. Харитон Ильич! Одним чугунным зайцем вы убьете весь город!

– Дороговато...

– Привлеките бюджетные средства. Это не сложно. Снимите со статьи «Культура». Это ведь и есть самое целевое назначение «культурных денег» – открывать новые памятники в городе. Спонсоров качните. Может, за кем-то из бизнесменов какой должок имеется? Пусть раскошелится и почувствует, как красиво звучит слово «меценат». Подтяните резервы!

– Культуру тряхнем! – радостно сказал Харитон Ильич, как будто сбросив с плеч тяжелое бремя. – Опять же, аппарат Думы добровольно перечислит дневной заработок в пользу монумента.

– Добровольно? – усмехнулся Кирилл.

– А то как же! Если пригрозить, что квартальную премию не дадим, то все, как один, добровольцами будут, ядрен-ба-тон! Они у меня и на уборку территории выходят, и на «Веселых стартах» резвятся. И все добровольно. Активный народ! Отзывчивый...

– А ваятели-скульпторы в Славине имеются?

– Да как не быть. Есть.

– Харитон Ильич! Давайте-ка соберем их всех в кучу, да побыстрее. Меценатов, скульпторов, краеведов. Время не терпит! Генерала надо торжественно перезахоронить, пока какой-нибудь дотошный эксперт не выискался.

– Что ж мы, так и закопаем пустой гроб?

– Зачем пустой? В этом гробу будут ваши политические оппоненты и их кампании. В метафорическом плане, конечно. Что же до морально-философских аспектов... Ну, вооружитесь мыслью, что поклоняться надо не костям, а памяти. Индусы вон вообще мертвых сжигают и прах развеивают. Действуем, Харитон Ильич! Действуем!

После того, как Зозуля вышел, Голомёдов самодовольно потер руки, а Василий присвистнул:

– Ловко ты его. Просто отшлепал и в угол поставил... Каждый раз люблюсь.

Кирилл задумчиво почесал лоб.

– А это один из главных плюсов в моей работе. После денег, конечно. Восстановить «статус кво». Ведь лезут они во власть, лезут, как мухи на... мед. Лезут, а зачем – не знают. Что их манит? Дорогие машины, квартиры, почет, приставка VIP? Почему люди хотят заполучить этот статус? Ты вот избирателей жалеешь. А я – VIPов.

– Ты хочешь сказать, что «ожидать у парадного подъезда» лучше, чем поплевывать из окна персонального кабинета на

макушки ожидающих?

– Да ты сам представь, Василий! Ведь соберется толпа у этого парадного подъезда, ждет. Двери закрыты, милицееское оцепление. И вот приезжает полубог на тонированной иномарке. Идет. Перед ним открываются закрытые двери. Но вокруг – пустота. Понимаешь? Пустота! Разве что жена-блондинка рядом. Но она – та же пустота, только на каблуках. Ведь раньше – может, совсем недавно, был он простой нормальный мужик, с которым можно было поговорить, поспорить, выпить. А теперь – VIP. И чтоб эту пустоту заполнить, он будет тратить деньги, сопоставимые с годовым бюджетом города. Заполнит ее покупными друзьями, женщинами. Модной жратвой, шмотками. Но ведь это иллюзия. Его статус не прочнее соломенного домика. И зависит он от такого же VIPа, который на полголовы повыше.

– Это наркотик, – пожал плечами Василий. – Человек подсаживается на подобострастие окружающих. Любая власть, пусть даже самая маленькая, дает возможность командовать и унижать. Когда ты видишь, что человек, который, быть может, вдвое старше и умнее тебя, начинает вилять хвостом и бежит исполнять твои капризы – это наполняет тебя чувством собственной важности и значимости.

– Да это только кажется, что приставка «VIP» дает уважение и почет! – Кирилл в возбуждении зашагал по кабинету. Взгляд его стал злым, в голосе появилась хрипотца, похожая на хруст льда. – На самом деле, она несет унижения куда

большие, чем достаются простому смертному. Сидит мелкий чинуша. И власти у него – какую-нибудь паршивую справку выписать. Так нет же! Обставит дело с такой торжественностью, что к нему люди на поклон ходят. Сегодня он не может, завтра не хочет. Как будто не за тем он посажен в это кресло, чтобы справку выписывать. А вот вызывают его в управу к руководству на ковер. Прибежит – тише воды, ниже травы! Голову в плечи втянет – не узнать! А начальник управы разнос устраивает. Корит за нерадивость, рыкает, аки лев. Но потом в кабинет своего начальника идет. Перед ним нужно пресмыкаться, потому что это от него зависит твое шаткое благополучие.

Я их много пересмотрел. Воз и маленькую тележку. И знаешь что? Простой человек без начальника проживет. Не захочет унижаться – не будет. Плюнет, и сделает все по-своему. А вот VIPу без унижения – никак. Он, как ты говоришь, наркоман. Чтоб не потерять своей маленькой власти и возможности унижать тех, кто пониже, он вынужден лизать пятки тем, кто повыше!

Раздайбедин не перебивал. Он терпеливо ждал, пока уляжется буря. Наконец, Голомёдов перестал мерить кабинет шагами и сказал чуть теплее:

– А у нас с тобой нет начальников, но есть возможность говорить дураку, что он – дурак, и брать с него за это большие деньги. При этом даже VIP-статус ничего не меняет. В этом случае он просто VIP—дурак. Так почему бы его не от-

шлепать?

– Нам без дураков нельзя. Нам с ними умнее, – пожал плечами Василий. – Но ты упрощаешь ситуацию. Наступаешь на их же грабли. Тебя тоже пьянит твоя власть и твой VIP-статус. Ты ведь тоже VIP. Приглашенный за большие деньги столичный специалист. По нашей с тобой указке суетится миллионный город. Половина трудоспособного населения с нашей помощью получает зарплату. И твое стремление «отшлепать» кого-либо из того же теста, что их жажда унижить.

– А ты? Ты хочешь сказать, что работаешь из любви к таким вот Харитонам?

– Для меня ненависть – слишком сильное чувство. Я наблюдаю. Иногда не понимаю. Но не спешу осуждать. Я не могу осуждать того, кого сам создаю.

– Все честно, как на рынке. – Кирилл сдвинул брови. – Пока существует спрос, будет и предложение. Если люди голосуют за Харитонов, значит, на них есть спрос. Значит, людям нужен тот, кого они будут ненавидеть.

– Да. Все честно, как на рынке. Ты платишь за мясную вырезку, а дома обнаруживаешь, что тебе всучили требуху. Люди голосуют за надежду. За тот фантом, который лепим мы с тобой. А ненавидят по большей части себя – за то, что позволили в очередной раз себя обмануть. Ну и обманщика, само собой, тоже. И требуху... А мы с тобой просто высаживаем семена ненависти...

Василий сказал это просто и беззлобно, будто речь шла не

о ненависти, а о крокусах. Голомёдов еще больше нахмурился, закурил, посмотрел на Василия долгим взглядом и провел пальцем по столу, словно подводя черту:

– Все это метафизика! Нет никаких людей. Есть избиратели, электорат. Для меня это не более чем материал – податливый или сложный, но только материал, который мне нужно обработать. И кандидат – материал. Моя задача – вылепить из этого сырья монумент во славу демократии. Внизу – верные вассалы, на вершине – идеальный лидер. Все. Выбор прост. Хочешь – работай. Не хочешь – ступай в кондуктора. Я – здесь, и это говорит о том, что я выбрал. Ты – тоже здесь. А это значит, что ты говоришь не то, что думаешь. Или делаешь не то, что говоришь. Разбирайся сам. Но лично моя совесть очень чиста, потому что я редко ею пользуюсь. И сейчас меня интересуют дела более земные.

– Например?

– Например, по донесениям с полей вчера в сквере за Домом Офицеров очень чувствительно, но совсем незаслуженно обижали наших расклейщиков. Их заставили голыми руками обрывать уже наклеенные листовки. А то, что расклеить еще не удалось, было цинично отобрано. Есть информация, что эти нехорошие парни трудятся в бригадах зачистки Вячеслава Дрисвятова. Они ежедневно освобождают почтовые ящики и информационные стенды от нашей агитации. Оплата осуществляется по сдельно-премиальной системе за каждый сорванный «скаल्प». Тем же, но уже бесплатно,

занимаются дрессированные пенсионеры госпожи Хохловцевой. Тебе не кажется, что конкуренты начинают грубить?

Василий сделал кислую мину, приподнял очки и вдумчиво почесал левый глаз.

– Или, например, что ты мне скажешь по поводу вот этого? – продолжил Голомёдов, взяв со стола анонимное письмо:

– *«морГ дорос до стени СЛАВа ежам»*

Василий потянулся к листку, посмотрел его на свет, поднес вплотную к глазам, потом зачем-то понюхал и вернул Кириллу.

– А что тут долго думать? Тушкиных рук дело.

– Зионида?! С чего ты взял? – опешил Кирилл.

– Элементарно, – вздохнул Василий. – Во-первых, письмо подбросили в приемную Харитоши. Наша Зинаида Леонидовна имеет туда доступ – она свежие газеты ему по утрам приносит. Во-вторых, парфюм. Сложный коктейль запахов: смесь детского крема, жидкого мыла, туалетной воды, дезодоранта и духов. Аромат удушающий, а потому вполне узнаваемый.

Лично для меня и этого достаточно.

– Тоже мне, Шерлок Холмс!

– Хорошо. Есть и другие улики. Посмотри на буквы. Шрифты – «Славинского вестника». Все буквы вырезаны с первой полосы номера за сентябрь прошлого года. А точнее – с «шапки». Но самое интересное, что экземпляр газеты

взят в нашей пресс-службе.

Кирилл удивленно открыл рот.

– Откуда ты знаешь?

Василий взял в руки свежий экземпляр газеты, обвел карандашом «СЛАВИНСКИЙ ВЕСТНИК. Городской еженедельник самой полезной информации», и потом, прочерчивая сноски от нужных букв, вывел на полях: «*морГ дорос до стени СЛАВа ежам*».

– А почему ты решил, что это номер именно за сентябрь прошлого года, а не вчерашний? И что взят он в нашей пресс-службе?

Василий хмыкнул и объяснил учительским тоном:

– Во-первых, вчерашний номер лежит перед тобой на столе. Во-вторых, газетная бумага уже успела пожелтеть. Значит, газета старая. А в-третьих... В-третьих, я сам дал ей этот номер за сентябрь прошлого года.

– Зачем?!

– Она попалась мне на глаза.

– Газета?

– Зинаида Леонидовна. Понимаешь, она сидела и ровным счетом ничего не делала. А я поручил ей особое задание. Сказал, что Харитон Ильич проводит тест на креативное мышление для своих сотрудников. Задача теста предельно проста: составить связный текст, используя только буквы газетной «шапки». Я подумал, что это занятие ее увлечет и послужит на пользу, как гимнастика для ума. Жалко,

что я опять не принял в расчет ее исполнительность. Кто ж знал, что она поспешит первой подбросить на стол Харитону Ильичу свой выполненный тест?

– И что ее фантазия имеет такие ограниченно-причудливые формы... Однако! Зато я теперь понял, откуда она узнала слово «креативно». А ты, Василий, тоже ведь ее отшлепал!

Василий вздохнул и сказал тихо:

– Мне было скучно.

– А давай-ка ты найдешь своим способностям более достойное применение. Тебе не кажется, что пора бы уже поближе познакомиться с госпожой Хохловцевой и Славиком Дрисвятовым? По-моему, они начинают путаться у нас под ногами.

Василий безразлично покачал головой, словно размахивая воображаемым хвостом, и ответил:

– Иду вымачивать розги...

Глава 7. Оппозиция меняет позиции

Отец Геннадий недовольно крикнул, осознав, что перемножить в уме двенадцать на восемь с половиной – выше его сил. Эта неудача едва не расстроила торжественный хор, который звучал в душе отца Геннадия после вчерашней встречи с самим Харитоном Ильичом, не умолкая ни на минуту. Полночи батюшка ворочался с боку на бок, на разные лады прикидывая, какие выгоды сулит ему предложение Харитона Ильича. Его мысленному взору рисовались заново оштукатуренные стены церкви в Беспутной Слободе и позолота на куполах. Видел он обширную паству, жадно внимающую словам его проповеди, видел телекамеры, направленные на него. Видел крестный ход и заупокойную службу по павшим героям. Видел себя, приглашенным в Епархию, скромно склонившим голову пред Владыкой, который, несомненно, будет хвалить его за активную деятельность. Во сне образы путались, и иногда из радужной круговерти вырывались то новые блестящие колокола, отлитые по заказу раба Божьего Харитона, то новый блестящий автомобиль, который можно было бы купить по знакомству с большой скидкой, то черные старушки с преданными мышинными глазами, и мятые купюры в их сухоньких лапках. Одно из центральных

мест в грезах занимал новый золоченый алтарь. Весь день батюшка, то, закружившись в мирской суете, то, отдавшись церковному служению, пытался на ходу высчитать его примерную площадь, но при каждой попытке умножить высоту потолков на ширину пола ум святого отца заходил за его же разум.

На вечернюю службу отец Геннадий явился озабоченным. Он торопливо прошествовал мимо двух десятков своих престарелых прихожанок и с досадой подумал о том, что для предстоящих великих дел его приход явно маловат. Службу он провел как-то автоматически и немного рассеяно. По ее окончании батюшка совсем уж было направился к выходу, небрежно благословляя свою немногочисленную паству, как вдруг церковные двери со скрипом распахнулись, и в них хлынула толпа. Незнакомые старушки на ходу повязывали платочки. Мужчины шли особой стайкой, смущенно крякая, стаскивая картузы и размашисто крестясь. В минуту церковь наполнилась народом. Здесь было сто, а, может, и все двести человек. Последним вошел Василий. Он подмигнул отцу Геннадию, сложил руки на груди и привалился плечом к дверному косяку. От удивления в голове батюшки что-то щелкнуло, отчего длинна и ширина будущего алтаря как-то сами собой перемножились. Отец Геннадий тихо засмеялся и произнес:

– Сто два...

В этот миг он понял, что схема начала работать даже быст-

рее, чем он ожидал, и испытал подлинное вдохновение.

– Братья и сестры! – воскликнул он воодушевленно. – Всякий христианин избран быть с Господом непрестанною памятью о Нем и сознанием Его вседеприсутствия, проповеданием, и исполнением Его заповедей, и готовностью исповедать веру свою в Него.

– Говорит как по-писанному! – прошептала беззубым ртом старушка в кумачовом платке.

– И то! Ничего не понять! Башковитый тут батюшка! – восхитилась ее соседка шуршащим шепотом.

– Раб Божий, Отчизны славный сын, воитель Лев Бубнеев, на земле нашей почивший, здесь и упокоен был, неизреченно сподобясь через то к нашей вечной по нем памяти!

Отец Геннадий возвысил голос. Своим умением говорить с паствой он по справедливости гордился. Любые, даже самые затрапезные и будничные мысли, попадая к нему на язык, оплетались тяжеловесным клерикальным орнаментом, отчего речи отца Геннадия редко бывали поняты, но неизменно повергали паству в благоговейный транс. В такие минуты служитель алтаря думал уже не мозгом, а ртом, поскольку фразы рождались и оформлялись церковно-славянскими кружевами непосредственно там.

– Другой светоносный и благодатный сын Отечества своего, раб Божий Харитон Ильич Зозуля, назидаясь страшными и опасными примерами из прошлого, встал первым, кто возжелал почтить память славного воителя, генерала Бубнеева.

Соделавшись сам причастником благодати, пожелал и вас он принять под крыла свои.

– Генерала-то здесь раскопали! – зашептали приезжие старушки. – Он, говорят, во гробе, как живой лежал. И шаблюку-то, говорят, золотую у него нашли, только сразу в милицию забрали.

– А Харитон-то, говорят, Ильич – добрый человек. Он таперича, говорят, будет памятник генералу ставить и улицу к нему новую проложит. А нас, говорят, в город переселяют – с водопроводом и удобствами! – ответили им местные бабки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.